

18+

ДМИТРИЙ НАЗАРЕНКО
ОРКЕСТРОВАЯ ЯМА
ДЛЯ КАТЕРПИЛЛЕРА

Дмитрий Назаренко

**Оркестровая яма
для Катерпиллера**

«Издательские решения»

Назаренко Д.

Оркестровая яма для Катерпиллера / Д. Назаренко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517692-9

Ровесник рок-н-ролла — не только о музыке. Но и без нее не обошлось. Сниженная лексика. Вульгаризмы, профессиональный слэнг. Не представляю, кто это возьмётся напечатать. Это конечно мягче чем «грязный реализм» Чарльза Буковски и не совсем «документальная проза» Тома Вулфа. Оба этих парня уже не с нами. Знамя альтернативной литературы выпало из их рук. Надо продолжать. При финансовой поддержке министерства культуры РФ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-517692-9

© Назаренко Д.
© Издательские решения

Содержание

Оркестровая яма для Катерпиллера	6
От автора	6
Boney M	7
Sugar Baby Love	11
Дизайнер свободного времени	15
Owner Of A Lonely Heart и другие герои нашего времени	20
Надо было брать Dark Side	24
Но здесь же нет белых мышей	27
I'm not in Love	30
The woman in Red	38
Чего хочет женщина, того хочет Бог	41
Знаки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Оркестровая яма для Катерпиллера

Дмитрий Назаренко

Редактор Ольга Добрицына

Редактор Елена Козлова

Корректор Елена Варфоломеева

Корректор Мария Назаренко

© Дмитрий Назаренко, 2020

ISBN 978-5-0051-7692-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оркестровая яма для Катерпиллера

От автора

Эти истории всё еще можно найти на моих страницах ВКонтакте и FB. Материал изобилует сниженной лексикой, обсценной лексикой современных подростков, территориальными и социальными диалектами интернета. Здесь и вульгаризмы, и профессиональный слэнг. Я не представляю, кто это возьмётся напечатать. Это конечно мягче чем «грязный реализм» Чарльза Буковски и не совсем «документальная проза» Тома Вулфа. Но что-то типа. Оба этих парня уже не с нами. Знамя альтернативной литературы, поднятое этими авторами, выпало из их рук. И я считаю – надо продолжать.

Boney M

Топор исторического материализма безжалостно рассёк древо его семьи много лет назад. Одна отрубленная ветвь осталась лежать между сосен, на берегу холодного моря, чтобы три десятка лет спустя пустить молодые мрачные побеги с железными листьями и чёрными цветами в форме СС. Впрочем, чёрные цветы вскоре увяли и высохли, а железные листья сорвал и покорёжил жаркий ураган, прилетевший к морю из-за леса. Он-то и унёс сорванные листья через океан, на север другого континента, где и разметал их в большом городе на берегу большого северного озера. Оставшееся древо генеалогии история порубила на дрова, чтобы отправить в топку, где всюю полыхал революционный огонь. Впрочем, дерево погибло не всё. Самая тонкая веточка с белыми цветами, унесённая ветром убийственных перемен, воткнулась в далекую землю и пустила корни. Девочка подросла и вышла замуж за паренька, который довольно скоро возмужал, и даже стал таким крутым мужиком, секретарем-партийцем, принимавшим взносы у чела, бронзовая скульптура которого стояла до недавнего времени в середине площади, возле большого детского магазина в центре города. Девушка тоже не отставала и работала в другом крыле здания этой конторы. Присматривала она за мировой литературой. Работала она, наверное, хорошо, потому что десятки лет спустя, когда бури и ураганы истории улеглись, кричала она страшно по ночам и угрюмо молчала, когда её будили близкие. Днём она сидела, неподвижно вперившись в телевизор, и лишь иногда разряжалась гневными комментариями в адрес высоких зданий, подпирающих шпилями заокеанское небо на экране ящика. Особо доставалось внукам, жадно внимавшим звукам заграничной музыки, которые скупой источала радиоточка и голубой экран. «Пре-кра-тить!» – пыталась командовать она, когда слышала, как внук неровно извлекал из дребезжащей акустики мелодии и ритмы зарубежной эстрады. Несмотря ни на что, паренёк ловил каждый звук. «Запишите на ваши магнитофоны» – это был Маяк в воскресенье, в 14—00. Он всегда ждал: «кинут не кинут?» – и когда звучала мощная заставка «10 years after» вздыхал с облегчением – на этот раз не отменили. Звучал бархатный баритон Татарского, от которого шли мурашки по коже... «Криденс», «Космос Фэктори»... За окном в мир было лето и вся жизнь впереди... Передачу вскоре забанили, но крыша у парня уже летела от этой музыки и не опускалась ни на минуту. В 1971 году навалилось всё сразу: двойки по математике и «People Let's stop the war now». Когнитивный диссонанс достиг своего апогея, поскольку школьная программа по литературе не содержала ни слова из нехитрой лирики «Child in Time». Усилки завода «Кинап», самодельная неокрашенная гитара из досок для пола. Брюки клёш шириной 50 см, которые носил басист из конкурирующей школьной группы, и вовсе оказались финальным занавесом в непродолжительной драме его школьного образования. Ни уроки литературы, ни уроки истории так и не научили его думать и писать про свежескошенные травы, про запахи утреннего леса, покрывающего 1/6 часть земли с названием кратким. *ru* – чего там ловить? Как под ёлкой насрали? Гораздо лучшим ему казался запах производственного цикла фабрики «Красный Октябрь», когда унылая стрелка Москвы-реки покрыта не то смогом, не то туманом, самая мощная компонента которого – тяжелый горько-сладкий запах расплавленного шоколада, или запах только что открытой станция метро. Запах креозота, или запах мела, сырой тряпки, школьной доски... Запах только что вымытого тряпкой из мешковины пола. Ядрёный запах книжной пыли из учебников, смешанный с запахом гладиолусов – первого сентября в школе, запах новой формы серого цвета, едва слышный запах гуталина только что начищенной обуви... Воображение настойчиво подсказывало ему, что его жизнь – поле, покрытое васильками до горизонта. В синем небе – волна за волной эскадрильи бомбардировщиков. Грозный гул моторов переполняет высь. Почему-то радостно и совсем не страшно. Потому что вместо бомб боевые машины несут тяжёлые ноты, которые они обрушивают на головы умирающих от восторга фанатов...

Последний школьный звонок прозвенел как будильник и вырвал его из этой полудрёмы. Культурно и мировоззренчески, унифицированный мир властно диктовал, что ресурс его инаковости и кривизны сознания исчерпан. Его прощание со школой происходило со взаимным облегчением, однако ни он сам, ни его школьные учителя так и не поняли, почему мрачные серьёзные люди из приёмной комиссии привилегированного ядерного колледжа единогласно согласились видеть его в стенах своего заведения. Дальше вменяемыми оказались только первые дни сентября. Он вдруг почувствовал, что в его жизни, как в кинотеатре, наступил перерыв между сеансами. Первый яркий и весёлый фильм на утреннем сеансе закончился. Кинозал быстро опустел. Детей почти не осталось, только он – на последнем ряду. Его школьная подружка только что ушла. Ей было пора идти, её теперь, оказывается, ждала компания каких-то комсомольцев. Она была отличницей и воспитанной девочкой, и вообще собиралась стать филологом, поэтому ей было нетрудно объяснить ему всё без обидных слов типа «говнарь», «лох», «не догоняешь». Он понял только одно: что её школьный портфель больше носить не нужно и целоваться у подъезда её дома они тоже не будут. Она добавила на прощанье: «Ну, ты же всё понимаешь...» Мир начал меняться и принимать другие очертания. Разглядеть, что происходит, он был не в силах – все огни внезапно погасли. Перерыв между сеансами затянулся. Два бесконечных года серой пелены из коллоквиумов, сданных с восьмого раза, незачётов и двоек на экзаменах. Наконец судьба, которая, как свай, вбивала в его голову знания, сжалилась и сделала перерыв. Тяжелым товарняком промчался январь. Троицкий стоял возле аудитории и с недоверием рассматривал свою зачётку. На экзаменах он получил пять баллов по каждому из предметов, и в деканате ему уже сообщили, что он выступил круто и в следующем семестре начнёт получать стипендию имени лысого, неопрятного, картавого мужика с хлебными крошками в бороде. Впереди были каникулы, и товарищ из учебной группы протягивал ему приглашение в дом отдыха и спрашивал: «Едем? Место пропадает, чел не может». Он почувствовал себя как «Ламборджини», перед которым внезапно открылось двести метров скоростного шоссе среди полнейшего бездорожья. Друг был мажором. Дома у него не было ни одной вещи отечественного производства. Если ему, не дай бог, требовался врач, какой-нибудь ортопед, то родителями по такому случаю привлекался какой-нибудь заграничный спец, который врачевал заодно и звезду НХЛ Бобби Орра. Мать делала крутые переводы иностранных произведений, печатавшихся в толстом литературном журнале, которым зачитывалась культурная прослойка. А отец на переднем крае отечественной науки и дипломатии проводил в жизнь политику партии и правительства. Дома он появлялся редко. Но метко. Поэтому друг всегда был одет с иголочки, курил только «Кент» и не парился по жизни ни о чём. И так, друг был мажором. Но мажором неправильным. С другими мажорами он не знался и понтами не мерился. Не сказать, чтобы он был некоммуникабельным и ни с кем не общался. На путёвке, которую он протягивал сейчас парню, значилась фамилия его френда – отпрыска всенародно известного автора киргизского эпоса «Прощай, Белый Пароход». Больше всего друг любил путешествия. Так, чтобы начать с «Адриатики», потом — «Плзень», «Сайгон» и завершить – в пивной на Спортивной, да ещё куда по пути занесёт. Но более всего любил он во всем этом долгий разговор на почве внезапно усугубляющейся дружбы. Правда, чаще всего это был разговор ни о чём, который на следующий день забывался напрочь. Но смутное ощущение чего-то героического, произошедшего накануне, оставалось у участников приключения всегда одним и тем же: Плохим, в конце стало трудно, ведь против них шли настоящие Психи. Короче, дружкой объединял иррационализм вечного поиска приключений на свою жопу.

Февральский мороз сковал звенигородские леса так, что падающие с неба снежинки еле слышно звенели, ударяясь о кончики промёрзших сосновых игл. Маленькое простуженное солнце плавало в мареве небосклона. У подножия мощных сосен стоял совсем новый дом

отдыха. Предполагалось, что в его стенах будут пребывать учёные светила, чтобы, набравшись сил и вдохновения, засиять с новой силой на небосклоне науки. Но в дни студенческих каникул посланники науки при всём желании не смогли бы пополнить запасы вдохновения. Все места занимали многочисленные отпрыски академической элиты.

Троицкий тоже чувствовал себя на вершине. Впереди намечался увлекательный спуск по неразмеченному склону. Друзей слегка лихорадило. Идей было немеряно, но с чего начинать? – пока было непонятно. К вечеру всё наладилось. В их номере сидели две тёлки, столбом стоял запах сигарет с ментолом, недельный запас напитков, привезённых из дома, быстро двигался к критической черте. Он слушал музыку и не находил ничего знакомого. Ни DP, ни LZ... Не было, чёрт побери, даже Маккартни. Друг, который притащил с собой кассетник, явно не парился о музыке, но не слушать же лажу до такой степени. ШЗНХ Hellbound Train? Witchy woman? А вот ещё Devil Woman, или вот это — I can't live if living is without you, или, блин, что это за хрень: Billy don't be a hero? На все без исключения вопросы: «Что за музло играет?» – друг всегда отвечал односложно: «А, это, как его, ну, это, – Three Dog's Night». В конце концов ответы на вопросы о музыке нашлись. Конечно же, это была никакая не лажа, а Harry Nilsen, Cliff Richard, the Eagles, Savoy Brown, Bread, America, the Paper Lace, ну и Three Dog's Night, куда же без них? Кто-то заботливой рукой писал его другу всё, что пребывало в верхних строках чартов мощной музыкальной индустрии начала 70-х. Надо было, наверное, иметь в распоряжении информационно-аналитический отдел, как у его отца, чтобы прослушивать и отслеживать все новинки. Молодёжь отдела с удовольствием выполняла неформальные поручения начальства. Что могло быть лучше, чем скупать винилы и писать сборники в рабочее время? Короче, служба разведки не дремала, и поток качественной музыки тёк рекой.

Троицкий иногда удивлялся, когда вражий голос снисходительно предлагал прослушать музыкальную новинку, которую он слышал пару-тройку месяцев назад. Но всё это было потом, а сейчас друг говорил ему что-то про одну из тёлок. Типа, он познакомился с ней ещё в прошлом году, но у них ничего не получилось. Ещё он сказал, что поедет к невесте в соседний пансионат «Дали». Красивая девочка, тихая, как лесное озеро, училась с ними в одной группе. «А знаешь, приезжай в „Дали“ через денёк после того, как я туда доберусь, – чё нить ещё замутим!»

На следующий день друг снялся и уехал с утра пораньше, и парень остался один. При дневном свете номер выглядел совсем унылым. Серые стены, плохо убранные кровати едва ли способствовали приятному одиночеству. Троицкий вышел из номера. Заняться было нечем. В холле он достал сигарету. Спички остались в номере. «Простите, у вас не будет спичек?» – обратился он к каким-то людям. В этой компании была вчерашняя девушка, с которой его познакомил друг. Накануне он не запомнил ни её лица, ни глаз, ни цвета волос: и всё потому, что взгляд его был прикован к её груди. Сегодня всё повторилась. Это было прикольно. Как само собой разумеющееся, они провели вместе весь день. Они не были испорченными — её так воспитывали родители, а он ещё не научился обманывать женщин. Без одежды она была невероятно крута. Вернее, невероятно крута была её грудь. Свои застиранные трусики она так и не решилась снять. Еле слышно сказала: «Не надо...». Волшебное притяжение двух тел медленно слабело. Музыка звучала всё более отчётливо. За окном сгущались синие сумерки. Свет настольной лампы, который ещё мгновение назад был мягким и уютным, теперь стал неприятно резким и изобличающим. Комната немного плыла и кружилась. Они вышли в коридор, и его снова посетило ощущение, что он только что вышел из полумрака зрительного зала: закончилось действие, наступил антракт, явно необходимый, чтобы зрители могли воспринимать последующие события ещё острее. Собственно, и они отправились в буфет. В буфете дома отдыха было шумно. Мажоры отрывались по полной.

История с этой девушкой так и не получила продолжения. К следующей осени они встретились у неё дома. Была какая-то компания. Она хотела остаться с ним наедине – как тогда.

Она сильно поправилась. Её грудь больше не приковывала его взгляд. Теперь он смог рассмотреть её лицо, глаза и волосы.

Колёса буксовали по льду, скрытому под глубоким снегом, смешанным с землёй. Автобус, попрыгивая ядовитым выхлопом, медленно полз по просёлку. Пассажиры были одеты одинаково мрачно. Мужики – в ватниках, бабы – в пальто на ватине. Все молчали. Его старенькое польское пальто из буклированного материала с воротником из искусственного меха и залатанные вдоль и поперёк джинсы на этом фоне выглядели бессмысленным эксклюзивом. На конечной остановке, где располагался пансионат «Дали», он сошёл один. В салоне к тому моменту не осталось ни одного пассажира. Простому народу туда не надо было. Они встретились, немного поболтали с невестой. Друг повёл его в номер своих знакомых, где для него нашлось свободное место. В комнате расположилась компания: все как на подбор, молодые, одинаковые с вида парни, щекастые, невысокие, с животами, нависающими над пряжками ремней, в новеньких негнущихся джинсах, с залысинами, скрываемыми головными уборами из норки – высоченными ушанками, сдвинутыми на затылок. Небрежно расстёгнутые пальто на меху из дублёной кожи, если нужно было выйти на улицу. На вопрос, заданный в компании: «У тебя отец кто?» – он, видимо, ответил что-то не то, потому что дальше компания перестала его замечать. Ему наливали вровень со всеми, но больше не обращались к нему и на его слова тоже не отвечали. Парни очень серьёзно обсуждали что-то типа: «...нормально, когда в Совмине, а когда зам. министра – это херня... А ты чё, не знал, что он у неё замуправделами?» И тот, который не знал, а теперь вроде как узнал – видно, заинтересовался той, у которой замуправделами много сильнее... Компания галдела всё громче и громче, пока не закончились напитки. Несмотря на заявленную крутизну, за водкой решили отправиться в соседнюю деревню. Было уже темно, деревня с магазином была хз где, и хотя буфет в «Далях» вполне себе успешно торговал и чешским пивом, да и «Кубанской» водкой в экспортном исполнении, компания двинулась напролом через тёмный лес. Троицкий не пошёл с ними, а отправился искать друга. Вечером были танцы. Соседка невесты по комнате, как он понял, оказалась из тех, про которых только что говорили в компании. Фамилия у неё была какая-то лошадиная, кажется Зорька. Худющая и злая – он немного побаивался её. На танцы было решено идти без неё. В клубе пансионата был очень мощный и качественный аппарат. Зачем он такой понадобился старцам из Совмина – непонятно. Наверное, в этом смысл особого русского пути. Если машина, то «Майбах», если дом, то с колоннами, и чтобы пруд – с гусями. А если аппарат в клубе, то такой, чтобы любая арена отдыхала! Разнесённый по мощным порталам звук был намного круче того, что ему когда-либо удавалось слышать даже через стереонаушники. Он слышал много разной музыки, но эта была совершенно незнакомой, и она качала с безумной силой. Он улавливал отдельные фразы: Sunny, yesterday my life was filled with rain... The dark days are gone and the bright days are here... Проблески прожекторов освещали волнуемое море голов. Кто-то бесконечно крутил один и тот же винил. Still I'm Sad, Motherless Child, Belfast, Snpny. Заводная пружина была закручена до предела. Коллапс казался неизбежным. А в двух километрах за лесом, в тишине, дремала деревня, изредка лаяли собаки. Ветер сердито гулял по полю. Мороз к ночи крепчал. Звезды безучастно смотрели вниз, на то, как одинокий мужичок, пошатываясь, бредёт по тропке. Зима воцарилась здесь прочно и надолго. Мероприятие в пансионате подходило к концу и завершалось песней Still I'm Sad. Грустный женский голос и нерусский хор, с придыханием, под серебряные звонкие колокольчики клавиш и струн, трепетно выводили «See The Stars Come Joining Down From the Sky». Наверное, это была первая дискотека в русской глубинке. Наступало время диско. Время «Boney M».

Sugar Baby Love

Пётр Шагов – невысокий, жилистый парень лет 29-ти, абсолютно цыганского вида. Смугловатое лицо, крупный нос с горбинкой. Глаза узко посажены и черны как уголь. Непослушные чёрные кудри. Пётр был слегка небрит и в чёрном халате вполне катил за рабочего рыбкомбината. Иногда он курил сигареты без фильтра и витиевато матерился. Вдвоём с парнем, лет на десять моложе его, четвёртый час они споро разгружали вагон-рефрижератор с копченой белугой. Парень был в зелёной куртке с нашивками. Проволочные очки, длинный хаер. Работали почти бегом. Со стороны казалось— они соревнуются в работе. Компания выглядела довольно странно, но объединяло этих двоих то обстоятельство, что оба они учились в привилегированном ядерном колледже. Аспирант и студент— оба работали на субботнике стройотряда. Погруз-разгруз – известная тема, чтобы заработать на проезд и спецодежду для работы летом в стройотряде.

Вагон был разгружен. На перроне куча картонных ящиков с деликатесом. Они присели. Пётр обратился к напарнику:

– Пробовал?

– Не-а, откуда же...

– Лан, сейчас, – говорит Пётр и вытаскивает из картонки два благоухающих ломтя. Некоторое время они вгрызаются в нежную мякоть рыбы. Их, кажется, совсем не беспокоит хищение социалистической собственности. Иногда просто хочется есть.

Пётр снова обратился к парню:

– А ты, молодец, не отстаёшь. Что, летом тож собираешься в Белозерск в стройотряд?

– Да. Хотел, но, кажется, облом – комиссар отряда сказал: меня отчислят за то, что не поехал ХЗ куда на митинг ко Дню Победы в Нарофоминск. Послал я его.

Пётр темнеет лицом:

– Не ссы, поедешь. Мне нравится, как ты работаешь.

– Да ладно, не связывался бы ты с ним. Козлина он ещё тот...

– Мне он – до пизды дверца, я поговорю с командиром отряда.

Командир отряда – двухметровый мужик с мрачным лицом Отто Скорцени. Часть его лица покрыта следами ожога от тока высокой частоты. Четыре десятка студентов рядом с ним выглядят как отряд десантников абвера, которых инструктируют относительно деталей операции по спасению Муссолини. Но нет, будничным голосом командир разбивает студентов на бригады. Последняя группа получает объект в Белозерске. Парень остаётся один. Неужели этот хренов комиссар всё испортил? Он уже готов расстроиться, но в этот момент командир называет его фамилию и рукой показывает ему присоединиться к группе из четырех мужиков, среди которых стоит Пётр Шагов.

– Вам придётся поехать в леспромхоз на остров Шола.

Путь к острову пролегал по воде. Четыре часа по озеру на палубе теплохода промчались стремительно. В стаканчиках время от времени плескалась обжигающая жидкость. Солнце светило всё ярче и ярче, погода становилась всё теплее и теплее. К концу поездки ему стало и вовсе казаться, что он участвует в поездке министров на яхте для участия в трёхдневном банкете по случаю запуска крупного производства. Но на следующий день с десятикилометровой высоты блаженства парню пришлось спикировать на землю. В восемь утра они уже стояли на пустыре среди бурьяна. Кроме парня в бригаду шабашников вошли Геннадий Петрович Никишков – он же препод кафедры сопромата, 45 летний мужик Бусурин – инженер кафедры, брат его Мишка, в молодости танкист, а теперь доброволец-строитель, и аспирант Пётр Шагов.

Геннадий Петрович включил Петра Первого и погрузился в реформаторские планы. Он задумчиво поглядывал то на чертежи тарного цеха, то на поросшую бурьяном стройплощадку. Он совсем не слушал то, что ему говорил Пётр Шагов, который через его плечо тоже заглядывал в чертежи. Мишка жевал травинку, а Бусурин смотрел в сторону посёлка. Через пару дней он отчалил из бригады. Поселился к поварихе из столовой и до конца строительства его никто не видел. Говорят, он день и ночь чинил телевизоры всему леспромхозу. Их, поломанных, накопилось изрядно, и водители лесовозов радостно платили ему четвертной за любой не самый значительный ремонт. Ближайшая ремонтная мастерская была в буквальном смысле слова за морем, в Белозерске.

На третий день парень понял, что он попал в ад. Мужики делали всё бегом. А когда он не успевал, а он не успевал всегда, все орала на него хором. После неожиданного ухода Бусурина график работы становился сжатым до предела. Работали с 8 утра до 8 вечера, не останавливаясь ни на мгновение. Сначала сколачивали опалубку. Ленточный фундамент для здания и фундаменты под оборудование они заливали раствором вручную ведрами. На второй-третий день ведра растягивались, теряли форму, и у них отрывалось дно. Его же руки пока были на месте, но казалось, ещё немного – и они оборвутся тоже. Увесистые каменюки килограммов по 10—15 тоннами исчезали в растворе бетона. К вечеру его ноги не шли. Парень пытался оправдываться, но куда 19-летнему парню тягаться со взрослыми! Вечером Геннадий Петрович оселком водил по лезвию топорика и непрерывно гундел.

– Блин, попался бы ты мне на экзамене сопромата весной, я бы тебя порубал в капусту.

– Да, хрен бы я тебе попался! – спросонок отвечал парень и сразу проваливался в сон. Во сне ад продолжался. Он бегом таскал ведра с раствором и всё бутыл, бутыл, бутыл.

К тому времени, когда они вышли на нулевой уровень, у него стало получаться. Кандидат технических наук Геннадий Петрович в аристократичной манере читал ему лекции: «Чем отличается бензопила „Дружба“ от бензы „Урал-5м“» и, к удивлению, парень очень скоро ловко пилил брус, необрезную доску, да и всё, что попадалось под руку. И если бы тогда уже вышел фильм «Техасская резня бензопилой», он проштудировал бы все роли и охотно бы взялся за постановку одноимённого любительского спектакля, и обязательно с собой в главной роли. Пилить ему нравилось. Круто было стоять на стене и класть её брус за брусом всё выше и выше. Низкое северное небо висело над головой. Тесно было солнцу в небе, и лучи его свисали до самой земли. Зато влево и вправо конца и края не было простору. Ветер упругой рекой рассекал бесконечный зной. И вечность, пришедшая ниоткуда, перед тем как уйти в никуда, будто шептала: так здесь было, есть и будет всегда.

– Нук, ебни ещё разок! – раздавался звонкий голос Пётра Шагова над вечным простором. И он послушно вбивал обухом топорика деревянный чопик, стягивающий брусья. Потом он заталкивал шпателем паклю в щели между брусьев. К вечеру они шли к тихой воде лесного пруда на краю посёлка. Чёрный омут среди древних огромных ёлок был мягок, как перина, и парень раз за разом падал в эту приятную бездну, пока дневной жар не оставлял тело. Потом мужики шли на танцы. Он по синусоиде плёлся за ними. В клубе он падал на первый попавшийся стул и мгновенно засыпал.

Его встречи с местным населением в таком формате так и продолжалось бы бесконечно, пока однажды его не растолкала девчонка в белой блузке. Её глаза сияли в полумраке. Спросонья он не понимал, что происходит. Она улыбалась ему и что-то говорила. Сон стал таять и до него начало доходить:

– Ну что, так и будем спать, что ли? Вставай-ка давай. Танцевать будем?

Танец их продолжился до самой последней песни.

– А как тебя зовут? – спросил он, когда они вышли на улицу.

– Галина Валентиновна Зайцева, – серьёзно ответила она. И добавила: – из Череповца я, в гостях здесь.

– Что же ты там делаешь?

– А вот школу только что закончила и в детский сад пошла, воспитательницей.

– А я из Москвы.

– Да я уже вижу.

Он хотел удивиться, а она продолжила:

– На куртке у тебя надписей – вон сколько. Всё про тебя и написано.

Как и положено северной красавице, она слегка налегала на букву «о». Но он этого уже не замечал. Впрочем, с этого момента их знакомства он уже не замечал никого и ничего вокруг. Трудности стали пофиг, ночь или день – он различал едва. И всё вокруг стало одинаково прикольно.

Даже одна и та же песня, которую с утра постоянно запускал на своём магнитофоне бывший танкист Мишка «вихрем закружит белый танец, ох и услужит белый танец» – казалась ему магическим заклинанием, которое так изменило его жизнь.

Эта странная пора продолжалась ещё месяц. В середине августа объект был почти построен. Геннадий Петрович и Пётр Шагов посоветовались и решили, что пора заканчивать работу и возвращаться домой. Мишка вроде бы тоже был согласен. Впрочем, он, как всегда, улыбался в усы и ничего не говорил. Без конца слушал свой «белый танец» и ещё Sugar Baby Love группы the Rubettes. Откуда у Мишки взялась эта относительно свежая и сладкая качественная попса, было для парня загадкой. Мишка— молодой мужик в тельнике —любил «Стрелецкую» и курил «Север». На работе день и ночь мог разгребать любые завалы и был надёжен, как Caterpillar D7. Но песен у Мишки волшебным образом в кассетнике было всего две, и слушал он их постоянно.

Через день к ним неожиданно пожаловал директор леспромхоза.

– Хочу посмотреть на вас и поблагодарить за работу.

И, глянув на парня, добавил:

– О, да у вас тут совсем пацаны. Значит, вот вы какие, кто нам тарный цех построил. Не ожидал. Молодцы!

Потом он открыл свой портфель и достал несколько бутылок водки. Сдвинули стаканы.

– Да мы этот цех лет десять не могли построить! Без вас бы пропало дело. Ну ладно, дела у меня, – сообщил директор и исчез за дверью так же внезапно, как и появился.

После ухода директора пили ещё некоторое время. Потом Геннадий Петрович выдержал паузу и сказал:

– На следующий год я бы в таком составе ещё бы куда-нибудь двинул.

Все помолчали. Парень не выдержал и спросил:

– И чё, и меня бы взяли?

– Ну а как же! Куда мы без тебя-то?

Улетали из Шолы на кукурузнике. Парень был крепко бухой. Настроение было сумрачным. Позади оставалась та жизнь, которая ему нравилась. Он жалел, что больше никогда

не будет плотником, простая и понятная жизнь остаётся здесь. Директор леспромхоза на прощание сказал им:

– Мужики, если чё, плотник у нас здесь зарабатывает хорошо – 550 рублей каждому я вам обещаю! Жду, короче, всегда.

Через пару недель в Москве они получили деньги, парню выдали 560 рублей, в 19 лет это было много. Ещё через три недели ему пришла повестка явиться в ОБХСС.

Его обстоятельно расспрашивал следователь.

– Ну как вы могли вчетвером-то построить такой объект? И что, все там были такие пацаны, как ты?

– Да не, остальные-то трое – мужики.

– Ну-ну. Ладно, иди, а с леспромхоза мы ещё спросим.

Парень так и не понял, зачем вызывали и в чём было дело. Но через месяц командир с обожженным лицом передал ему ещё 200 рублей:

– Это тебе премия.

Дизайнер свободного времени

Хаер и семилетние латаные-перелатанные джинсы супер райфл были главным его сокровищем. Он и слышать не хотел о том, что когда-то с ними придётся расстаться. Однако война или военная кафедра, привилегированного ядерного колледжа – так её ещё называли за глаза, – как и всякая война, была неумолима. Сначала джинсы остались дома, а сегодня и хаер вызвал гнев начальства и должен был пойти под топор. В поисках эшафота он дотащился до соседней станции метро. Разочарование и досада сменились лёгкой усталостью, бродить надоело, и он толкнул наконец дверь стеклянного павильона парикмахерской. Место было странным. В прихожей висела чёрная с золотыми буквами вывеска, что-то типа СССР, не то РСФСР, центр постижерного искусства. Народу в маленьком зале не было никакого. Только в фойе блеклый персонаж в мятом свитере, не обращая ни на что внимания, сосредоточенно курил «Приму». Наконец он выдохнул облако дыма, затушил бычок и обратился к посетителю: «Ну чё, стричься? Тогда пошли!»

С этими словами он открыл дверь, и Троицкий послушно шагнул в зал.

– Меня это... покороче, для военной кафедры.

Работа закипела. Через час он смотрел на себя в зеркало и не знал, радоваться или нет. Лохмы, которые спадали на плечи как уши спаниеля, исчезли. Короткие виски. Стриженный затылок. Длинная чёлка была взбита и уложена с немислимой тщательностью.

– Ну как? Нравится?

– Ага, – он закивал.

– Лан. С тебя – трёха. В кассу не надо.

«Ух ты, это – целых пол- ящика пива!» – мелькнуло в голове. Он никогда прежде не платил столько в парикмахерской – копеек сорок ещё туда-сюда, тем не менее он послушно протянул остатки стипендии. Уходить от зеркала не хотелось, и свитер, усмехнувшись, спросил:

– Нравится? – Троицкий усиленно закивал. – Приходи тогда в следующий раз, спросишь Бориса Гузеева.

– А это? – он взмахнул рукой над своей причёской, – это-то вот что было?

– А, – отмахнулся свитер, – я ща разрабатываю причёску для конкурса, называется Саша, а ты – ну типа для тренировки.

В лёгком офигении Троицкий выскользнул из салона в мир. Фамилию эту он часто встречал потом. Стоило назвать имя, и за спиной мастера вытягивались по струнке, ножницы в руках сразу щёлкали более сосредоточенно, машинки жужжали ещё надрывнее. В общем, с того самого дня он начал понимать, что нужно делать, чтобы стричься хорошо.

Прошло несколько лет. Троицкий уже носил только финский костюм, рубашку с галстуком. Немецкая обувь и французский парфюм «Грин Уатер», который стоил целых десять рублей, были с ним постоянно. Он никогда не расставался со своей униформой и, казалось, не снимал её даже когда ложился в постель. Он теперь работал в здании из серого американского бетона, находившегося в живописной излучине Москвы-реки. Искусственный сад, фонтаны, холл, молл, газетный киоск, где он иногда покупал журнал the Economist. Он стоил целый рубль, но куда важнее были понты. Открыть в метро заграничный журнал было так же престижно, как сегодня сидеть за рулем престижной иномарки. В хаммеровском центре крутились все: спекулянты, валютчики, проститутки, мелкий и крупный криминал. Но верховодили всем внешторговцы. Гостиницы, офисы, рестораны, сауны, парикмахерские всегда были переполнены. Сегодня он тоже пошёл стричься. Но сегодня его причёска всё больше и больше смахивала на Перл Харбор после налёта вражеской авиации. Машинка на бреющем полёте в буквальном смысле слова косила его фирменную причёску. «Точно наголо?» – ещё раз засомневалась

мастер. «Да,» – удивляясь собственной твердости, ответил он. Ещё пятнадцать секунд – и всё было кончено. «Ну, короче стригут только в военкомате», усмехнулась мастер. Он вышел в молл. В отражении зеркальной витрины осмотрел себя. На нём была сшитая знакомой девчонкой плотно обтягивающая тело рубашка из брезентовой ткани защитного цвета с патрон-ташем, нашитым на нагрудном кармане. Тесные джинсы. Троицкий показался себе крепким и прочным парнем, несмотря на то что голова нещадно трещала. Вчера допоздна он с товарищем засиделся в круглосуточном баре на работе. Отпускных было выдано немало, и последнее, что он помнил, – то, что, проникнувшись сочувствием к его душераздирающей просьбе, домой в Чертаново вместо такси его бесплатно вёз какой-то наивный иностранец на своей огромной фуре с прицепом.

Сейчас он раскованно шёл по коридору, выделяясь в сером одинаковом потоке служащих. Знакомые притормаживали и удивлённо пялились на него, видимо не сразу узнавая его без костюма и надменного выражения лица, присущего кадровому комсомольцу. Иногда какие-то люди сторонились, уступая ему дорогу – зыс вей плис – и подкрепляли приглашение жестом сеятеля. В целом это не удивляло – в здании всегда было много причудливого вида иностранцев.

Хотя скоро был поезд, его зачем-то понесло на работу. Он вошёл в офис. Стол был у самой двери, и он, как обычно, тихо занял своё место. В офисе ещё мгновение кипела работа. Но тишина сменилась общим женским визгом: «Что это? Кто это? Ты ж в отпуске? Да и что, что ты с собой наделал?» Крутизна в стиле милитари была ещё не в тренде. У мужиков рулили женоподобные прически, приталенные пиджаки. Все без конца пританцовывали. Диско рулил. Chic— Le freak, Gilla— Go Down Mainstreet. Lipps Inc— Designer music. Список крутых музыкальных номеров был бесконечен. Его новый облик был вне времени – он был непривычным, но притягательным. Толпа бросила работу. Отправились пить кофе. Он чувствовал себя в центре внимания. Все пили кофе, он пил пиво. Обруч из колючей проволоки, с утра стягивающий голову, стал ослабевать. Жизнь стала улучшаться. Потом он ещё пообедал с подружкой и, попрощавшись, отправился в путь. Курский вокзал был охвачен обычной тревогой расставания и радостью грядущих встреч. Он стоял возле вагона. Время было к вечеру. Чувствовалась усталость от приключений и переживаний последних часов. Проводница громким и гнусавым голосом начала приглашать пассажиров занять места. В этот момент из толпы вынырнула девчонка. Они работали в одном здании и были едва знакомы. Она протиснулась к нему и молча протянула цветок. Стебель его был короток, как будто был выдернут из траурного букета с надгробия на погосте.

– Мне? – удивился он и машинально взял цветок. Она кивнула и сказала:

– Да, я пришла тебя проводить.

Расспросы продолжить не удалось, поезд начал движение, и он вскочил на подножку. Он успел прокричать ей:

– Лан, пока!

Двери закрылись. Поезд набирал ход. Он плюхнулся на своё боковое место в плацкарте. Сил держать голову не было. Он смотрел в пол. Под столиком виднелись чьи-то ноги в домашних тапочках. Тапочки что-то спросили его. Он ответил. Слово за слово – и тапочки выставили на пустынный столик бутылку водки.

– Володя, профорг ялтинского симфонического оркестра, – представились тапочки, – две недели отдыхал здесь в Подмосковье у друзей, за две недели выпили два ящика водки.

Выпили по первой. Усталость начала отступать. Троицкий тоже разоткровенничался. Еду работать в «Артек» по художественной части. Показал записку с адресами и явками, написанную дядей: «Дорогой Станислав Карлович! Вместо двух обещанных баб посылаю одного племянника, но хорошего. Прошу принять». Подпись. Они пили не на шутку и вскоре запас профорга иссяк. К ночи решили штурмовать вагон ресторан. Двинулись в неясную темноту

вагонов. Профорг шёл, стиснув зубы, а парень разошёлся. Все голые пятки, свисавшие с полок в проход, он щекотал карандашом. Назад из вагона ресторана они шли с водкой и зачем-то в сопровождении девушки в белой куртке с тележкой. В поезде тем временем уже не спали. Разбуженные и рассерженные пассажиры напряженно ждали, когда весёлая экспедиция двинется назад – с тем, чтобы прикончить мерзавцев. Но заспанная девушка с тележкой, завидев головы, свисавшие с полок, голосила: «Горячее, сосисочки!» «А, горячее? А скоко времени сейчас? Два ночи? Хм. Ладно, ну, дайте чтоле».

Ночная страда продолжилась и закончилась только под утро. Они стояли вдвоем на при вокзальной площади в Симферополе. Им казалось, они только что вышли из боя. Профорг молчал. Потом спросил:

– А может, ну его – «Артек», махнём ко мне в Ялту? Я ж вчера ещё хотел твою записку с адресом припрятать, чтобы ты потерялся и пришлось бы те ко мне, а?

Парень пожал плечами:

– Да не, спасибо, я – в «Артек», ждут меня.

В Гурзуф троллейбус прибыл под вечер. Ворота пионерского лагеря были закрыты. За забором не было ни души и, по-видимому, в воскресенье не могло быть иначе. Он постоял немного и двинулся по улице. Навстречу ему плелась безразмерная тетушка. В руке у неё болталась авоська, в которой ничего не было, кроме бутылки водки.

– А, здрассть, вы не знаете, как попасть мне туда, в «Артек», я приехал, а там...

– Завтра тебе надо приходиться, сегодня выходной у них! – перебила она его.

– Придётся мне ночевать здесь под забором, наверное... – без энтузиазма продолжил он.

– Ну, это ещё зачем! – прогудела тётка. – Койку я тебе до завтра организую.

Вскоре Троицкий сидел на скрипучем топчане в полумраке какого-то душного сарая. Быстро темнело. Он так устал, что не замечал пружин, вонзавшихся в тело. Но заснуть не удалось. Бухло бушевало в нём. Стены кружились. Земля качалась. В довершение ко всему в сарай ввалилась тетушка. В одной руке была знакомая авоська. В другой – тарелка с какой-то едой: «Ты вот что, давай поешь!» Вскоре они пили теплую водку, закусывая холодной рыбой из тарелки. Все, что окружало его, казалось ужасным. Лучше было бы остаться и заночевать под забором – подсказывали ему последние проблески сознания. «Ну, ты и мужик!» – всё время приговаривала хозяйка. С утра тётка зачем-то сообщила, что она начальница почты. Жаркое крымское солнце грело не по-утреннему горячо. Ему было плохо. Однако через час жизнь снова повернулась к нему лицом. Он был уже в «Артеке». Поселили его в особняке с мемориальной доской. Здесь отдыхал, работал и делал что-то ещё авиаконструктор Туполев. До авиаконструктора ему было далеко, а архитектурными и художественными вопросами занимался его двоюродный брат. А он бесконечно валялся на пляже и чувствовал, что среди вечно марширующих пионеров он Тупо Лев – царь природы. Где-то в Гурзуфе бушевали толпы отдыхающих. А здесь, в «Артеке», под сенью южных деревьев дремали тихие аллеи. Пустынный пляж, где не было ни одного человека, ласкали волны. Пионеры были далеко-далеко. С утра давали манную кашу с какао. Можно было бы жить безмятежно. Но в стойле не вырастить боевого коня, а в горшке – тысячелетнюю сосну. Третий день клонился к закату, и он выскользнул за ворота всесоюзной здравницы. Гурзуф встретил его холодным разбавленным пивом. Ещё позже к вечеру от него уже не отлипала какая-то девка. Спираль его жизни начала быстро раскручиваться вниз. Через пару дней в «Артеке» их с братом попросили не ходить в столовую одновременно с пионерами, а затем и вовсе переселили в сторожку на высылках. А через три дня на набережной он встретил приятеля. Тот участвовал в самом первом составе группы «Воскресение» и немного играл в звезду, впрочем, потом, много лет спустя, просто стал ей и всё, вместе с известным и популярным девичьим коллективом с гитарами, продюсером которого он оказался. Но стал он не той звездой, которая бы всех жалила нестерпимо, а той звездой,

которая несла человеческое тепло и согревала. А иногда и дружелюбно подмигивала. А сейчас будущий идол попсцены был рад встрече.

Мидии, собранные в море и поджаренные на костре, на листе ржавого железа, запивались шипучим напитком «Бахчисарайский фонтан». Компания была большой. Иногда Алексей брал гитару и пел серьёзно: «сердце чует новую беду», иногда прикалывался: «о чем поёт морская свинка, о том, что жизнь скучна без риса». Южные вечера у моря были тёмными. Сполохи костра или дальние огни, может просто дешёвое местное вино— всё это навевало. «Солнцем освещенную дорогу», над которой «забытую песню несет ветерок».

Днём небольшое крымское селение Гурзуф пустело. Компания расходилась по домам до вечера. Они как-то остались с Алексеем на набережной. Некто третий молча плёлся за ними. Во всём белом: в пиджаке, в рубашке и, что характерно, в брюках. Тот юноша молчал всегда. Красноречивой и очень простой была его красота. За прошедшие две недели никто не слышал от него ни слова, он лишь иногда скупно ронял:

– Девушки, а вы чьи невесты?

И редко попадались такие, которые не отвечали бы ему:

– А ничьи. Хочешь, будем твои?

Говорят, юноша был математик. Они с Алексеем продолжали обмениваться шутками. Троицкий уже собирался повернуть к себе в «Артек», но вдруг, от выпитого ранее, неожиданно расчувствовался и взял на себя смелость запеть что-нибудь. Слов он и раньше не знал, а тут и вовсе забыл. Получалось что-то вроде:

Я пью до дна,
И мне всё мало,
За тех, кого развезет,
За тех, кто нальёт мне вина...

Мотив приблизительно совпадал с известным из песни «За тех, кто в море». Ну, и как полагается, где нужно петь выше, там пелось громче, а где нужно было ниже, там – тише. Импровизационный посыл не иссякал. И так бы продолжалось ещё долго, пока Алексей не толкнул его в бок со словами: «Тихо, вон Макар идет». Минутой позже они стояли лицом к лицу. Двоюродные братья радостно обменялись приветствиями. Макар внимательно посмотрел на певшего и сделал паузу. Но тот не растерялся и спросил автора:

– А закурить не будет?

– Да, будет, – сказал Макар так задушевно, как спел бы «И когда мне тесно в старом доме» и протянул пачку Pall Mall.

– С заграничным акцентом?

– С финским, – просто ответил Андрей Вадимович.

Далее всем захотелось выпить пива, но его, естественно, не нашлось – вот так вот, ни с того ни с сего в тогдашнем Крыму.

Изредка Троицкий оставался один и бесконечно плавал. Море накрывало. Подводный мир звал, но не затягивал. Чтобы выгнать из тела накопленную в море прохладу, он выбирался на горячие камни и смотрел на далёкую синеву невысоких гор на горизонте. Хмельная дымка стихала в голове. Его переполняло, и он пытался сочинять стихи. Но всякий раз слова оставались внутри, не родившись. Лето 1982 года бешено мчалось под откос. Эти дни оказались последними, когда он ещё слепо верил в собственное бессмертие, думая, что молодость будет вечной. Через неделю он стоял на площади Гурзуфа, возле касс, с билетом домой. Московский сентябрь ещё полыхал золотом, но в душе его уже наступила пасмурная пора. Он снова был в прежних заботах. Жизнь, оставленная на лето где-то на запасных путях, снова набирала ход.

Через полгода его приняли в ряды КПСС. Солнцем освещенная дорога плавно свернула куда-то в сторону. Он остался один на широком ночном шоссе. До рассвета было ещё очень долго.

Owner Of A Lonely Heart и другие герои нашего времени

Большую часть зарплаты Троицкий отдавал матери, остальное расходовал незаметно – столовка, проезд. А если купить одеколон иностранного разлива с долгим запахом или ещё что-нибудь в таком духе, денег не оставалось вообще. Получалось, на работу он ходил неизвестно зачем. Детей отдают в школу на продлёнку, а бестолковых парней – на работу. На свидание со своей девушкой Троицкий шёл с бутылкой и пятьюдесятью копейками в кармане. На цветы уже не хватало. Он, конечно, переживал, что не хватало, поэтому бутылку обычно выпивал сам. Короче, справлялся. Жизнь летела стрелой только во время отпусков, а потом целый год стояла где-то на запасных путях, ожидая отмашки. В этот раз не получилось. Вместо отпуска он загремел на бюллетень. Весь сентябрь выездные комсомольские активы и ночные смены на работе заканчивались одинаково весело. На учёбу в Подмоскovie в дом отдыха собирались знатные комсомолы со всего района. И если первые полдня всё было чинно и по уставу ВЛКСМ, то далее наступало время мастер-классов по различным формам аморального поведения. Пили третий день. Троицкий тормозил чопорную девушку в очках и смеялся над собственной шуткой громче всех.

– Валька, ты чё как Лермонтов в гробу? Давай, шевелись!

Глава комсомола крупной государственной организации, отдалённо напоминавшая поэта, вытирала высокий бледный лоб, покрытый испариной, и вместо того, чтобы упасть на пол, падала в объятия комсомольца-актёра Баблова.

Hey, midnight dancer, oho-oho

Hey, big romancer, oho-oho

Come on, let's do

The midnight dance.

Что может быть лучше, чем танцы под музыку диско? Музыка играет все громче и громче. И даже совсем не страшно, когда часа в три ночи в дверь номера громко, долго и очень официально стучат. Троицкий решительно распахнул дверь и, глядя в грудь расплывчатой фигуры в проёме, старательно произнёс, двигая одеревеневшими губами:

– А нам Вчеслав Якльч Рогффф разрешил...

Первый секретарь Краснопресненского райкома ВЛКСМ товарищ Рогов кивнул:

– Ну, раз разрешил, продолжайте.

Инструктор райкома, весёлая девчонка, похожая на маленькую полненькую белку, с приторным гневом запищала:

– Ты, совсем! Не видишь, что ли? Сразу после учёбы ко мне. Выговор тебе! И всем выговор! С занесением!

Всё захохотали. Выговор после учёбы обернулся ещё какой-то дискотекой на пару дней по линии комсомола в одном из главных банков СССР.

На работу Троицкий заскакивал отдохнуть и отоспаться, а домой не появлялся совсем. Бабье лето завершилось ночным авралом на работе и профсоюзным собранием, на котором его отдел лишили квартальной премии. Его упомянули отдельно. Он понял, что с очередным повышением придётся подождать. Ещё год назад он перенёс бы такое играючи, но в этот раз что-то пошло не так.

– Дистония на почве стресса и перенапряжения. Криз. Хренозепам. Жополидол. Хуева-лол. Принимать. Соблюдать. И самое главное. Своё это. Прекращать. Вы что себе думаете, а? Болит? И ещё не так будет!

Участковый врач продолжала пугать незнакомыми терминами. Но его беспокоило только одно. Отпуск. Через две недели солнце пропало совсем. Серое небо, похожее на мокрую простыню, с каждым днём опускалось всё ниже. Мокрые листья толстым слоем лежали на мостовой, и сдвинуть с места их было не под силу даже сильному ветру с дождём.

Троицкого так и не отпустило бы, если бы товарищ не дал ему четыре крошечные пилюли:

– Вот, возьми. Примешь. Что останется – вернёшь.

Помогло сразу. Он поплёлся закрывать бюллетень.

– Всё. Выписывайте.

– Что такое? Как? – закудахтала доктор.

– Вот, – он протянул ей блистер.

– Сереназ. Да вы что! Это же галоперидол! Такое в психиатрической скорой вкальвают буйным!

Он пожал плечами. Каждый умирает в одиночку.

Куда ехать в отпуск, было непонятно. Турбюро в Петроверигском переулке напоминало пункт приёма вторсырья. Предложение, которое ему сделали, было соответствующим. Конец октября Троицкий встречал в строительном вагончике на берегу реки Псоу на границе с Абхазией. Двери на территории туристической базы были заколочены. Сезон закончился. Днём было тепло. В свои короткие приёмные часы лето ещё работало. Можно было загорать и купаться.

Соседом ему случился закройщик из Подмосковья – молодой весёлый еврей. На турбазе были четвергом: они вдвоём, директор и сторож. За забором жизнь кипела вовсю. Дом отдыха ленинградских работников гражданской авиации «Крылья родины» радушно принимал гостей. Это была планета женщин. Одни бортпроводницы. Мужчин там не было вообще. Два пьяных, никогда не просыхающих авиамеханика и пенсионер, зачем-то приехавший с женой.

Через неделю по ночам стало совсем холодно и сыро. Из тёплых вещей у Троицкого случайным образом оказался только акриловый свитер.

Троицкий поплёлся в Адлер за обратным билетом. В очереди кассы он увидел её. Во всём белом, она была с обложки журнала «Америка», тогда как остальные обитатели очереди едва ли смогли бы попасть на страницы журнала «Юный натуралист» в раздел «комнатные уродцы». Она была с подругой. Троицкий, не помня себя, подошёл и что-то промямлил. Ответ был твёрдый и вежливый, с подтекстом – нет.

Вернувшись к своим вагончикам, он снова увидел этих двух ангелов. Ангелов с крыльями родины за спиной. На этот раз они встретились как старые знакомые.

Кормление в вагончиках было поставлено на самотёк. То есть отсутствовало. На другом берегу реки Псоу была хинкальная. Одному туда идти не хотелось. Втроём оказалось вполне. По пути они пересекли кладбище строительных вагончиков. На территории не было не души. Но от профессионального взгляда скрыться невозможно. На следующий день директор базы, низенький полный дядечка, вылетел навстречу с распростертыми объятиями:

– Э, слушай, зачем так ходишь? Всё время мимо. Давай ко мне – с девушка один, другой в гости. Я народный поэт Абхазии. От чистого сердца зову! И сын еврейского народа, твой сосед из вагончик, тоже давай.

Дважды приглашать было не надо. Абхазское застолье, да ещё после двух недель голодухи, это чума. Длинный стол, накрытый клеёнкой, заставленный всем на свете, что родит эта земля и готовят её сыны. Кувшины с вином, как небоскрёбы на Манхэттене. Зелень, непроходимая и нескончаемая, как джунгли Амазонки. Еда, еда, еда. Без конца и края. В конце застолья хозяин предложил гостям вина. Розовое, лёгкое, вкусное, игристое. Оторваться невозможно. Но это был прикол. Абхазская шутка. Вино было специально не пастеризованное или что-

то вроде того. Через некоторое время эта штука срабатывает. Начинается адский метеоризм. Женщины, мужчины, ангелы и черти. Танцуют все. Не переставая. Смущаясь поначалу. Потом уже нет. Гости расходятся задворками, не глядя друг на друга. Под звонкий хохот хозяина, который слышен за сотни метров. Знакомство с абхазской поэзией сплотило делегацию гостей. На следующий день гостеприимство проявил сторож. Чёрный от щетины, здоровенный детина надел белоснежную рубашку. Он подогнал к вагончикам начищенную до солнечного сияния «Волгу» ГАЗ-21 с оленем. Предложение было неотразимым.

– Девушка один, другой – давай, бери, – кататься поедем!

Они ездили на машине часа полтора.

За всё время сторож заговорил только однажды:

– Гантиади. Городской больница. Заходишь – назад не выходишь.

Легенда о двух ангелах с крыльями родины за спиной со скоростью молнии облетела соседние селения. На территории дома отдыха ленинградских авиаторов теперь постоянно дежурил местный молодёжный патруль. Среди бортпроводниц появились две стюардессы, летавшие на международных авиалиниях. Белый ангел была не слишком озабочена скудностью своего речевого интерфейса. Слов двести ей хватало на всё про всё. Её взгляд всегда оставался туманным. Лишь однажды она собралась с силами и родила пару фраз:

– Ты, говорят, знаешь английский?

– Как будто да.

– Ты можешь со мной позаниматься?

– Ну, о чём речь.

Днём Троицкий из последних сил отрывался. Тёмный ангел таскала с собой плеер и пару кассет. Самый свежак из музыки 1983 года. Сборники – Culture Club и ещё какая-то попса. Он без конца слушал только одну песню – Owner of a lonely heart группы Yes. Это было его первое знакомство с продюсером по имени Тревор Хорн. Мотив крутился в голове день и ночь. Ночью, потому что из-за холода он не мог спать совсем. Он простыл насквозь и даже днём его трясло. Застольные встречи с абхазским поэтом не возобновлялись. Питался Троицкий редко и как попало.

На следующий день он отправился заниматься английским. Троицкий вошёл в домик, где его ждала белый ангел. Она лежала на кровати в одной рубашке. На соседней кровати лежал учебник. Она показала на него рукой. Он прилёг рядом. Целый час они лежали рядом. Перед лицом он держал учебник. Локти его плотно прижаты к телу. Голова кружилась то ли от простуды, то ли от слабости. Целый час они занимались английским. В конце занятий она улыбнулась и ничего не сказала. Если бы не английский, на который ушли все силы...

Он вышел из её домика. Метрах в двадцати стояла группа местных парней и мрачно поглядывала в его сторону.

– Ну что, ты и она, получилось у тебе?

– Ну да, позанимались...

Ночью, чтобы согреться, он придумал жечь костёр. Иссиня-чёрное небо со звёздами. Море пенится, накатываясь на берег, и тихо шуршит галькой, возвращаясь назад. Потрескивает сушняк, искры летят к небу. На пляж с ним ходит бортпроводница. Ей под сорок. Днём на трезвую голову она зовётся Светой, говорит по-русски, а к вечеру, как выпьет, зовётся Лаймой и говорит с прибалтийским акцентом тем сильнее, чем больше выпьет. Он всегда успевает перескочить на соседнее бревно, прежде чем она подсаживается рядом. Она непрерывно учит его:

– На стюардессах не женись. Они такие...

И затягивается сигаретой. Троицкий, впрочем, и не собирается.

В один из дней, когда он почувствовал себя совсем плохо, сосед сказал ему:

– Моя подружка из «Крыльев» согласилась пожить несколько дней здесь, в вагончике, а ты давай туда. У неё в домике никого нет. Там тепло. Тебе надо подлечиться.

Тепло натопленного домика срубило его под корень. Он спал глубоким сном ещё до того, как его голова коснулась подушки. Троицкий будто провалился в бездну. Ему показалось, что заснул он лишь на мгновение. Какая-то сила вдруг взметнула его. Он стоял в кровати, развернувшись лицом в сторону своего вагончика. Горел электрический свет. Было тихо и тепло. Ужас, ударивший его как молния, ушёл в землю. Троицкий выключил свет и лёг. Через пару дней, проведённых в тепле, он почувствовал себя лучше.

«Крылья Родины» решили устроить вечер, или танцы. Что-то особенное, такое, что под силу придумать только женскому коллективу. Сюрприз, чтобы все были довольны. Их с портным пригласили.

– Вы принесите что-нибудь с собой! У нас будет стол, мы возьмём у местных чачи.

Сборы были недолгими. Купили бутылку водки. В назначенное время явились к столу. Бортпроводницы оживленно галдели. Оба авиамеханика, пьяных в ноль, лежали лицами в стол. Пенсионерка с мужем ползали вдоль стола, выбирая местечко потеплее. Звенели чистые стаканы. Нетерпеливое ожидание праздника вот-вот должно было смениться праздничным действием. Расселись. В этот момент авиамеханика угораздило поднять голову и обвести мутным незрячим глазом накрытую поляну. Его ничего не заинтересовало, кроме личностей с соседней турбазы. Он взревел:

– Ну чё? Чё припёрлись? Московская халява!

Тема московского гостя получила развёрнутое продолжение. Гостей из Москвы охватила бледность. Роняя стулья, они вскочили и вопреки шумным уговорам покинули праздник работников авиатранспорта. Они вернулись в свой лагерь. Сторож пригласил к себе. На столе — банка домашнего белого сухого. Приятный напиток за дружеской беседой – надёжное средство. Обиды и беды таяли с каждым тостом. Из приятного оцепенения их вывел истощный вопль:

– Умер, умер! На помощь!

На помощь так на помощь. Они помчались в «Крылья Родины». Умер пенсионер. Умер, выпив палёной чачи.

Через час приехала скорая. Врач осмотрел покойника:

– Кто-нибудь, помогите. Помогите перетащить тело в машину.

Троицкий и портной взяли ноги покойника. Врач и водитель подняли голову и плечи. Троицкий посмотрел на врача, и ему показалось, что тот улыбается:

– Почему вы улыбаетесь?

– Мы приехали после того, как он умер. Понимаешь, когда смерть от палёной чачи приходит – это настоящая Смерть. Спасти – невозможно. Мы ничего не смогли бы сделать. Он умер бы на наших руках. А так нет моей вины.

– Парень, а ты-то что радуешься?

– Да смерть-то приходила за мной. Меня просто в этот момент не было. Я ушёл. Вот она и забрала его.

Троицкий вспомнил, как той ночью вскочил с кровати. Теперь всё встало на свои места. Он добавил:

– Пару дней назад Смерть тоже приходила за мной. И в тот момент я тоже ушёл оттуда.

Надо было брать Dark Side

Руководитель советской делегации Станислав Валидолиевич Неваляев захотел в туалет. Чувство долга перед Родиной ещё некоторое время заставляло терпеть. Зов природы звучал всё сильнее и наконец загрохотал тревожным набатом. Когда стало совсем невтерпёж, руководитель решил добавить в командировочное задание ещё один пункт – поиски туалета. Он устно известил об этом остальных членов делегации и сделал необходимые распоряжения. Самый младший член делегации горячо взялся решать задачу. Пустынные улицы маленького северного города чисты и безлюдны. Местный житель, неторопливо выходявший из подъезда, наслаждался жизнью и лёгким утренним морозцем. Он совершенно не ожидал, что на него набросится какой-то парень, возбужденно размахивающий руками. Испуганный финн с трудом понял, что от него хотят, и объяснил, что туалет можно найти возле вокзала; ехать туда на трамвае — недалеко, всего несколько остановок. Вчера, в поезде, руководитель делегации жаловался на одышку, боль в сердце и постоянно принимал таблетки. Сегодня, несмотря на все свои недуги и новую немочь, Станислав Валидолиевич от трамвая решительно отказался. Советская делегация в составе двух человек в городе Хельсинки работала в режиме страшной экономии. Билеты на трамвай стоимостью шесть финских марок было решено не брать и передвигаться исключительно пешком.

На глазах удивленного финна эти двое миновали трамвайную остановку и припустились вдоль путей. Минут через двадцать пять в клубах пара делегация ворвалась на привокзальную площадь. Увидев спасительную надпись WC, Станислав Валидолиевич бросился к двери. Путь в туалет ему преградил турникет. Не привыкший к такому на Родине, он обернулся к подчиненному и спросил:

– Это ещё что такое?

– Кажется, за вход просят три финские марки.

Станислав Валидолиевич отшатнулся от входа. Надув круглые щеки, он сложил губы трубочкой и тяжело выдохнул:

– Фуууффф. Три марки. Аахуеть!

Отправились дальше. Станислав Валидолиевич Неваляев терпел ещё два часа.

Директор в/о «Трололоргтехника» некоторое время рассматривал толстячка и его спутника. Пожилой дядечка в брезентовой куртке, по местным меркам напоминающий дорожного рабочего, и молодой парень в потёртом пальто из непонятного материала с лацканами воротника, свернутыми в трубочку. На головах потерявшие форму уборы из неизвестного меха с ушами, наверху завязанными веревочками. Проволочные очки на носах посетителей свидетельствуют о принадлежности гостей к советской элите ИТР. Для директора представительства это означало только одно: таких командированных как собак нерезанных, а протокольный фонд не резиновый. Гостям полагается пиво и сухой корм, ещё не совсем собачий, но близкий к тому, в виде финского солёного печенья; финская баня и заезженная история о финском пиве и заводчике этого пива купце Краснобрюхове, который оказался Синебрюховым, представляете какой получается каминг-аут? Прекратить путаницу удалось, когда пиво стали называть Кофф. Нехитрая программа должна развлечь гостей и сделать общение непринужденным. Вечер протекал по другому сценарию. Молодой напарник Станислава Валидолиевича рассказывал анекдоты и весёлые случаи. Гости оказались настоящими профессионалами застолья. Вдвоём они выпили трёхмесячные запасы протокольного пива и вместе с обертками съели весь сухой корм.

В поездках по местным вычислительным центрам и компаниям прошёл следующий день. Молодость с раскрытым ртом бродила между рядами восьмибитных машин заокеанского

и местного производства. В голове не могло уложиться, что пара- тройка мелких персональных компов-уродцев может заменить огромную красавицу IBM, которая стояла у них на работе.

Вечером участникам делегации было сделано предложение: посмотреть порнофильм, выпить виски и покататься на автомобиле по ночному городу. Младший член делегации не задумываясь выпалил:

– Да ну их, эти порнофильмы. Не такое видели. Хельсинки ваш – одни пятиэтажки, как наши хрущобы. Чертаново и то интереснее.

Ну ты подумай! Станислав Валидолиевич недовольно поморщился. Шикарная программа от принимавшей стороны его бы устроила. Директор представительства внимательно посмотрел на молодого человека.

– Так. А мы бы что хотели?

– Ну, если уж в кино идти, то, может, на что-нибудь такое: —

он показал на рекламный постер со страшной рожей Малькольма Макдауэлла.

– А, Клокворк Орандж. «Заводной Апельсин». Ярая антисоветчина. Так-так. Вот что вас, оказывается, интересует. Ну что же. С удовольствием. Старье, правда. Я-то уже сто раз его смотрел.

И улыбнулся. Молодняк осмелел:

– А ещё я хотел дутую куртку и такие, ну, эти, как валенки, тоже дутые.

– А, Moon Boots. Сапоги-луноходы. Да, это сейчас в моде.

Он поднял трубку и куда-то позвонил. Удивлению молодого не было пределов. В комнату вошёл Женя Ромашкин – школьный товарищ, с которым они не виделись сто лет.

– Женя, здОрово. Обалдеть!

– О! Мужик, ты чё тут делаешь?

– Отлично, я смотрю, вы знакомы. Евгений окажет необходимое содействие.

Женя показал, как разделить на кучки его скудные командировочные. Часть подсказал где потратить, остальное забрал, чтобы через месяц прислать в Москву недостающее обмундирование.

На перрон Ленинградского вокзала он вышел в обновках. Порывы ледяного ветра сразу же прошли его коротенькую курточку насквозь. В Хельсинки температура около нуля, и там синтепон творил чудеса. В Москве в феврале заметно ниже, минус 20 градусов. Иностранное чудо не работало в России. В метро минут через десять он войдет в состоянии ни согнуться ни разогнуться.

Незадолго перед той самой поездкой за границу ему приснился сон. Он ещё не знал, что вообще поедет куда-то. Заграница во сне почему-то выглядела точно так же, как Советская страна. Пятиэтажки, автомобили «Лада» и много, много советских людей. В сущности, так всё и получилось. На перроне вокзала в Хельсинки, куда они прибыли, была огромная толпа командированных советских граждан в заячьих ушанках и драповых пальто. Поселили их в служебную квартиру в пятиэтажном доме, который был по виду хрущевка и хрущевка. И самое главное, вокруг были такие же однотипные пятиэтажные строения. Ну просто Новые Черёмушки да и только. А на машине по Хельсинки возили их исключительно на «Ладе» шестой модели. Этим и запомнилась ему его первая заграница. Единственное его поразило, что он неожиданно встретил школьного товарища. А ещё директор представительства в последний день ни с того ни с сего расчувствовался. Расстегнул ворот рубашки, ослабил узел галстука и произнёс:

– А, ладно...

И они отправились на окраину Хельсинки, на какую-то помойку, где торговали винилом. Денег у него хватало только на Dark Side Pink Floyd, либо на двойник Peter Frampton/Bee Gees Sgt. Pepper's Lonely и так далее – саундтрек к фильму Роберта Стигвуда.

Короче, в результате остался гештальт. Надо было брать Dark Side.

Но здесь же нет белых мышей

Люминесцентное солнце высоко стоит в зените подвесных потолков машинного зала. На плантациях вычислительного центра сегодня кипит работа. Молодые сотрудники известны своими способностями, но покорностью не отличаются. При первой же возможности дармовая рабочая сила бунтует и норовит куда-нибудь свинтить на часок-другой – попить кофе в атриуме гостиничного комплекса ЦМТ, зайти в буфет или просто зависнуть где-нибудь в коридоре. А то и вовсе разбиться по парам или по интересам и помчаться куда глаза глядят – на выставку, в соседнюю организацию, да и мало ли других мест, куда на целый день может отправиться молодость. Начальник отдела Борис Николаевич Люлякин, приставленный для надзора за молодежью, получив за них порцию очередных люлей, спешит поделиться люлями с непоседливыми сотрудниками отдела:

– Вот! Ну вы бы хоть это! А то совсем. Да.

Обычно на этом всё и заканчивалось, но сегодня беспокойство почему-то не проходит. Целый день он пропальвает запущенные грядки цифровых данных, удаляя ненужное, загружая, выгружая. Потом всё то же самое в обратном порядке. И так без конца. Работка ещё та, но деваться некуда.

По стеклянной стене зала постучали. За стеклом, как рыба в аквариуме, колыхнется секретарь директора. Она тычет пальцем в него, потом показывает вверх. Её губы беззвучно пошевелились:

– К директору!

Начиная с детства и дальше по жизни эта фраза не сулит ему ничего хорошего.

Ни после того, как лет в десять мячом он разбил зеркальное стекло в переходе школы, ни после того, как лет в двадцать в три ночи его и двух друзей совершенно бухими застали в женском корпусе дома отдыха во время студенческих каникул.

Всегда начинается одно и то же. Его куда-то выгоняли, удаляли или переводили.

Директор Гагик Самиздатович Анимальян склонился над столом и работает. На столе – две кучи бумаг. Из одной бумаги стремительно перелетают в другую, но уже с визами и резолюциями, написанными почерком бывшего двоечника. На столе остается последний листок. Гагик Самиздатович делает паузу и начинает выводить подпись.

Троицкий как зачарованный наблюдает за движениями авторучки директора. Перо медленно ползёт, вырисовывая буквы *А, Н, И*, далее неровно скачет, торопится и быстро калякает остальные буквы фамилии Анимальян. Осторожно прикоснувшись к левой ножке заглавной буквы *А*, перо затем медленно едет куда-то влево, бросается вниз и, сделав резкий разворот, мчится по дуге в обратную сторону к последней букве *Н*. Запнувшись о бумагу, перо наконец останавливается в облаке мелких чернильных брызг.

Издали он видит только слово «Приказ», напечатанное крупными буквами. Директор сделал картинную паузу, как бы давая чернилам просохнуть, после чего остановил свой взгляд на подчинённом. У того похолодело внутри. Что это ещё за приказ? Ну, полдня вчера где-то болтался. Вроде бы за это ничего не должно быть. А что тогда-то? Премии, что ли лишат? Не вызывал бы.

Гагик Самиздатович протянул бумагу. Руки молодого сотрудника затряслись, строчки прыгают перед глазами. Он с трудом разбирает отдельные слова сотрудник отдела... командируется... в загран... по линии... отчет в течение трёх дней.

– Завтра начинаешь оформляться. Совещание общественных организаций соцстран. Поедет начальник управления, его подчиненный заводделом и ты. Будешь третьим.

– А что там будет происходить? На этом совещании.

– Это продолжение той работы по обмену данными, которую мы начали весной в Праге.

Троицкий помнил эту поездку. В дальнем плавании по Чехословакии их трое в лодке. Начальник управления – Теледжин Вьечеслэв Айвэнович, его директор Гагик Самиздатович и он. Лодка движется сложным маршрутом и часто меняет курс. Ненадолго швартуясь в портах назначения, указанных в командировочном задании, экипаж небрежно обменивается с принимающим берегом короткими сообщениями. Иногда забывая причалить в портах назначения, на лодке спохватываются и кое-как сигналият семафорным кодом.

– Берег, берег, идём мимо. Как жизнь?

– Да все ОК, кэп.

После этого лодка вновь идёт свободным курсом. Ему хорошо. Он не был так счастлив даже с любящими родителями, когда был совсем маленьким. В Праге лучше, чем в детстве, потому что детям не наливают по десять кружек пива в день. Фантастического пива: светлого, тёмного и даже совсем чёрного. И всё это в сопровождении немислимых закусок и блюд. Прекрасный город, залитый солнечным светом. Нет места лучшего для такого плавания, чем Прага. Причалы для чайников с кучей магазинов располагаются часто и по делу. Дружелюбные работники прилавок подолгу не отпускают участников экспедиции. К концу плавания лодка тяжело загружена дарами земли чешской. В последний день его высаживают на берег, сообщая, что не хотят подвергать его... сам должен догадываться чему. Он понимает. Речь идёт о чем-то опасном. Лодка отчаливает без него и возвращается через час. В руках мореходов картонные упаковки, в которых угадываются очертания пластмассовых сидений для унитазов. Руководство делает суровые лица и строго вопрошает его:

– Надеемся, ты умеешь хранить служебную тайну?

В кабинет директора влетает приятель директора, Дмитрий Марцыпанович Похеров:

– Гагик, ну ты скоро?

Потом хлопает по плечу инженера:

– Хорош директора мучить!

Они выходят из кабинета и бегут куда-то. Наверное, обедать или на выставку, а может, в соседнюю организацию, да и мало ли других мест, куда на целый день может отправиться молодость. Гагик Самиздатович уже на бегу через плечо обращается к нему снова:

– И да. Помни: возможны провокации. Внимательнее там.

Они отправляются в Болгарию. Вареново-Пырново. Здание, где проходит совещание общественных организаций социалистических стран, располагается на окраине провинциального болгарского городка и более всего похоже на бывший дом престарелых или интернат для детей с нарушенной координацией движения. Наверное, поэтому все участники завтрашнего совещания вечером тщательно готовятся к работе. Не является исключением и советская делегация. Прозрачная обжигающая жидкость раз за разом разливается в подручные емкости, найденные в номере. Привезённые бутылки пустеют одна за другой и никак не кончаются.

С утра скверно. Они с трудом перебираются в соседнее помещение, где находится длинный стол, покрытый сукном. Представители стран социалистического лагеря излагают соображения, суть которых было бы трудно ухватить и на трезвую голову, а с похмелья и вовсе невозможно. Теледжин Вьечеслэв Айвэнович мужественно борется с недугом. Минеральная вода, пахнувшая сероводородом, в маленьких бутылочках зеленого стекла с противным названием «Хисаря» выпивается им вскорости вся, и он смотрит вопросительно на самого младшего участника советской делегации. Тот принимает вызов, выбирается из-за стола и ползёт в номер. Решение приходит мгновенно. Воды он не находит. Зато откупоривает бутылки с водкой и разливает её в зеленые бутылочки из-под минеральной воды.

В зал совещаний он возвращается через несколько минут и занимает своё место. Вьечеслэв Айвэнович берёт одну из бутылочек и наполняет стакан. Сделав глоток, он на мгновение останавливается, чтобы задержать дыхание, и употребляет оставшееся содержимое стремительным залпом. Лицо дипломата остаётся безучастным. Дипломаты из других стран тоже делают вид, что ничего не заметили.

Вьечеслэв Айвэнович с теплотой смотрит на молодого парня и едва заметно кивает.

После совещания участников везут на экскурсию по окраинам Вареново-Пырново. Как полагается, окна в автобусе неисправны и не открываются. Жара невероятная. Люди не молоды, не стары, но в возрасте— все, точно. Последствия вчерашней подготовки к совещанию вскоре накрывают всех без исключения. Когда автобус останавливается у какой-то достопримечательности, все бросаются в противоположную сторону – туда, где виднеется магазин:

– Пиво есть?

Этот вопрос звучит на всех языках стран социалистического содружества. Продавец отрицательно крутит головой. На всех языках восточной Европы шепотом произносятся проклятия.

Он заходит в магазин последним и повторяет вопрос. Его мутит так сильно, что он не замечает отрицательной реакции работника прилавка. Купив три бутылки пива, он ползёт в автобус. Он даже не успевает понять, что в Болгарии все через жопу, до такой степени, что помотать головой в знак отрицания у них обозначает – да, а покивать головой— это значит нет.

В автобусе он отдаёт пиво своим спутникам.

– Дайте, пожалуйста, и мне глоток... – просит его пожилая фрау из ГДР.

Он доверчиво протягивает ей бутылку.

Неуловимым движением она ловко закручивает жидкость винтом и заглатывает содержимое бутылки. Он не верит своим глазам. Она тоже растеряна. Она не знает, как это получилось. И всё-таки они подружились. Разговаривают по-русски. Иногда она смотрит на него и приговаривает:

– Типише Ханс, типише Ханс.

Вечером их везут смотреть главную достопримечательность Вареново-Пырново. Крепостная стена древней болгарской крепости подсвечивается разноцветными огнями. На смотровой площадке играют записи бравурной музыки, слышится конский топот, крики людей, шум сражения. Звуки давно минувших дней завораживают.

Он вспоминает, как в детстве наблюдал что-то похожее. Уголок имени Дурова. Обширный макет гористой местности, маленький городок, окна домиков освещены электрическим светом. Игрушечный вечер в игрушечном мире. Игрушечный поезд останавливается на станции. В вагончики забираются пассажиры – белые мыши. Поезд трогается и исчезает в игрушечном тоннеле. Он рассказывает немецкой фрау про то, что виды крепостной стены навеяли трепетные воспоминания. Та молчит некоторое время и задумчиво говорит:

– Да, но здесь же нет белых мышей...

I'm not in Love

Сергей Махнаев любит Набокова, группу Yes и серебристый смех девочки Нелли. Жизнь в юности – как предисловие к книге. Едва начал читать – и уже всё понятно. Солнце и синева летнего неба – навсегда. Васильки и колокольчики стоят в обнимку и медленно качаются под I'm not in love – 10cc в волнах тёплого ветра. Земляничные поляны. Сладкие ягоды одна другой слаще. Но не до них. Пока каждый сорванный лепесток в радость. Пока ещё не придумано других вопросов, кроме тех, которые могут выражать нетерпение: «Ну когда? Ну скоро?» Тема: где у человека батарейка и надолго ли хватит её, не беспокоит совсем. До двадцати пяти каждый полагает, что он бессмертен. Впрочем, зачем об этом, когда и до двадцати пяти ещё очень далеко.

Софт Олимпиады-80 был вещью в себе. Его сопровождение осуществлялось двумя бригадами. Ими руководили неряшливые мужики: Лукацкий и Кудряшов. Регламент обслуживания был чем-то вроде осмотра путей, устройств и путевых сооружений обходчиками. Постучать по клавишам терминалов, реже – по тем, что были на панелях управления синих шкафов вычислительных комплексов IBM. Что-то запустить, что-то остановить. Прислушаться, присмотреться и при необходимости записать в журнал отметку о неисправности. Большого не предполагалось. Внутрь шкафов лезть строго воспрещалось, всё работало само. А если и происходило что-то, и «ну чё, может ебануть?» не помогало, вопрос решал представитель IBM. Австрийский инженер Пауль был беспредельно опрятен, носил золотой перстень с большим голубым камнем и очки в тонкой оправе. В отличие от Кудряшова и Лукацкого с вечно сдвинутыми бровями, у которых на всё был один ответ: «...ты, давай, ну, это...», Пауль всегда улыбался и охотно отвечал на любые вопросы. Сергей и другие свежее испеченные выпускники МГУ спрашивать не стеснялись, учились быстро и скоро разговаривали с Паулем на равных. Начальники вели себя ревниво, завистливо и говнисто. К бойкоту Олимпиады 50-ю странами готова была присоединиться ещё одна сторона. Сергей и пара его друзей решили валить.

Местечко, куда решил направиться Сергей с друзьями, Троицкий посетил незадолго до Олимпиады. Два здания проектного института находились на берегу Яузы.

Каморку на последнем этаже одного из них занимал лысоватый мужичок маленького роста. Увидев гостя, он начал с ходу вещать о планах компьютеризации огромной отрасли, в которую входил проектный институт. Он распался всё больше и больше. Его усы воинственно топорщились, губы сделались трубочкой, рот принял форму буквы О, вытаращенные глаза метали молнии и, казалось, были готовы выскочить из орбит. Внезапно мужичок спохватился и решил представиться:

– Валентин Иванович Че.. Че.. Чапаев.

– Я, собственно, по поводу документации IBM. Посмотреть.

– Ааа, – произнёс Валентин Иванович разочарованно, – пойдёмте.

Они зашли в соседнюю комнатушку.

– Лёня Градус – начальник машины, – торжественно объявил Валентин Иванович.

Лёня в одно касание отфутболил гостя к молодому пареньку.

– Вот. Олег Луисович Меркадер – наш сменный инженер.

Прежде чем двинуться за Олегом, гость решил поинтересоваться:

– А что, Меркадер – это тот самый? Который ледорубом?

– Да, Рамон Меркадер был моим дядей, – простодушно сообщил племянник всемирно известного киллера и лучезарно улыбнулся.

Олег оказался приятным парнем. По заплёванной лестнице они поднялись куда-то на чердак. Олег открыл широкую дверь. Она вела в будущее. Машинный зал нарядного апель-

синового цвета дышал свежестью кондиционеров. Финский фальшпол, стены и потолок блистали чистотой. Синие машины IBM мигали лампочками индикаторов и чуть слышно шелестели. Всё было заграничным до мозга костей. Часа полтора они бродили вокруг машины. Олег старательно показывал и рассказывал. Гостю потребовалось совсем немного времени, чтобы полистать руководства по софту IBM. На прощание Валентин Иванович галантно пригласил его на работу. Обещанный оклад был на уровне стипендии, которую гость однажды получал во время обучения в привилегированном ядерном колледже. На этом встреча завершилась. Троицкий поплёлся назад к себе на рабочее место в небольшом особнячке в Краснопресненском парке. Рядом строился Центр международной торговли, где он должен был вскоре начать работать с техникой IBM. Более прикольного места на территории СССР пока ещё не существовало. Кусок Америки был оторван неведомым ураганом и перенесён со всеми зданиями и их начинкой на берег Москвы-реки. Вычислительный центр должен был стать сердцем этого комплекса. С софтом гостиничной системы всё получалось по плану. Её делала небольшая американская фирма, по большому счёту далёкая от политики. А вот с софтом и железом IBM всё было менее радужно. На волне ограничений из-за ввода советских войск в Афганистан фирма IBM прекратила официальную поддержку контрактов. Установку и адаптацию программных продуктов для работы с русским языком нужно было выполнять собственными силами. Руководство вычислительного центра забило тревогу.

Чтобы ответить на этот вызов, были вызваны профильные НИИ. В вычислительном центре замелькали разные делегации от Лукацкого и Кудряшова. Сергей Махнаев появился в ЦМТ в составе одной из них. Внешностью он напоминал бывшего гимназиста Валерку из «Неуловимых». Юного героя – покорителя софта IBM для Олимпиады— отправили сюда для оказания консультаций. Тревожные ожидания руководства нарастали. Тема «Неуловимых» тем временем жила своей жизнью и набирала силу. Деревенский парнишка Данька и его сестра Ксанка: Троицкий— юный выпускник привилегированного ядерного колледжа и хрупкая барышня, закаленная тяготами отладки софта радиолокационного оборудования на ракетном полигоне в Капустинном Яре против эмбарго решили действовать самостоятельно. Оставшиеся сиротами без поддержки фирмы, по детски ссорясь, кому сидеть у главной консоли в машинном зале, изредка получая неофициальные инструкции инженера IBM Пауля, они за полгода просто-душно допилили ключевые пункты контракта по софту. Работа стоимостью в несколько сотен тысяч долларов, ко всеобщему удовольствию, была выполнена практически бесплатно. Сделали они её для самоутверждения или для прикола – никто понять так и не смог. Фирма IBM отблагодарила новогодней поздравительной открыткой только Троицкого, а в руководстве ВЦ осторожно предположили, что делалось ими всё это скорее для прикола. На том и остановились, опять же ради прикола и на всякий случай, добавив рублей по десять-двадцать к их нескромно маленьким окладам. Ещё их показали по телевизору в массовой в каком-то репортаже, где на мгновение мелькнул вычислительный центр.

Начальники из разных мобилизованных организаций шумно поздравили друг друга и разошлись. Пути «Неуловимых» тоже разошлись. Данька и Ксанка продолжили занимать нижние позиции в штатном расписании вычислительного центра, а Валерка-гимназист отправился устраиваться к Валентину Ивановичу Чапаеву. Пока тот, полаявая чердаком на тему мировой компьютеризации, нахлобучив виртуальную папаху и бурку, летал по отрасли, размахивая виртуальной шашкой, кому-то надо было заниматься виртуальными машинами – операционной системой машины IBM в здании проектного института на берегу Яузы.

С виду здесь всё погибало. Запущенное строение с его интерьерными всем своим видом кричало о том, что оно не познало любви создавшего его архитектора. Грязная столовая, убитые лифты, мутные стекла, как внутри, так и снаружи покрытые многовековым налётом жира. Вечная полутьма коридоров. И на вершине этой мрачной башни идеально оборудованный машинный зал с самой современной техникой IBM. Сияющая золотая звезда с драгоценными

стразами, имплантированная в беззубую пасть отраслевого проектного монстра, вскоре стала путеводной. Валентин Иванович продолжал зажигать и тлеющий интерес к компам начал гореть ровным огнём во всех без исключения ста шестидесяти предприятиях отрасли. Начальник управления автоматизации и механизации Сидор Лютый недолюбливал Валентина Ивановича, а «Неуловимых» просто ненавидел. Но тут уже деваться было некуда. Дело пахивало большими деньгами. На Запад ушёл эшелон с мочевиной, а взамен ждали тысячу персональных компьютеров.

– Валентин Иванович, ты давай ко мне замом, а на центр поставь кого-нибудь своего.

Кадровая тема внезапно стала болезненной, как пробоина в борту авиалайнера на большой высоте. На место Валентина Ивановича Чапаева недолго думая решили назначить его ординарца Петьку – провинциального паренька. Косоворотка без единой морщинки, подпоясанная ремнем, плисовые штаны и начищенные сапоги. Круглая голова на тонкой шее, аккуратный пробор, оттопыренные уши и немигающий холодный взгляд за стёклами очков. А ещё крепкие руки с широкими ладонями.

– Ты посмотри, какие руки! – восторгался Валентин Иванович, – это же крепкие руки хозяйственника!

Руки были действительно хороши. Романтически настроенный Валентин Иванович совершенно не обращал внимания на отлично развитые локти. Руки у Петьки были как лопаты. В паре с локтями они работали великолепно. Руки отлично гребли, а локти великолепно расталкивали. Для начала эти локти выпихнули Лёню Градуса. Тот, по сути, всю жизнь руководил чапаевским центром и был главным компьютерным светочем в тёмном царстве отрасли. Глаза этот свет теперь некоторым людям резал. Терпеть его в сложившихся условиях было больше нельзя.

Заместителей Петька выбирал осторожно. Конкуренты ему были не нужны, но Сергей Махнаев подозрения не вызывал. Остальных товарищей по работе, особенно тех, кто имел собственное мнение, он быстро перевёл в разряд бывших и на должность заместителей категорически не рассматривал.

Замену Лёне Градусу искали недолго.

Мир компьютерщиков IBM в Москве 80-х маленький. Размером с детские сандалии, у которых отрезали кончики, чтобы не жало большие пальцы, когда мальчик подрастает.

Для того чтобы пользователи его больше не трогали, Троицкий написал целую кучу сервисов. Он хотел делать что-то ещё. Дальше и больше. Но машина была слишком маломощной, чтобы вынести его присутствие в системе и одновременно обеспечить промышленную эксплуатацию софта. В администрации издали приказ не пускать его в машинный зал. Без главной консоли, управляющей операционной системой, устройствами и внешними носителями машины, системный программист мейнфрейма как без рук, так и без ног. Меры фейсконтроля работали недолго. Выпускник привилегированного ядерного колледжа поковырялся в кодах операционной системы и в служебной документации. Настрочить программу, которая обеспечивала его доступом к главной консоли системы, дальше было делом техники. В зал больше ходить было не нужно. Управлять операционной системой можно было с любого терминала компьютерной сети. Прикладные программисты взвыли от радости. Это было примерно то, что позволяло рулить системой с пассажирского сиденья без участия водителя.

Троицкого повысили и перевели в другой отдел. Это было вроде ссылки. Полгода назад начальник сообщил ему, что там одни блатные, а руководит там, ты понимаешь, вредный пенсионер из внешней разведки. С ними будет трудно. И знаешь, там не любят работать. Поначалу так и было, потому что начальник предупредил вредного пенсионера: направляю к тебе системщика. Он достаточно стрёмный. С ним будет трудно. После вялых попыток сторон коррида не состоялась. Системщик и Пенсионер быстро поладили. Отдел должен был решать задачи

доступа к зарубежным базам данных по сетям связи. Упрощенно, это должно было стать тем, что делается сегодня через интернет любым школьником по сто раз в день. В 80-е в СССР прообраз интернета был только в двух организациях. И это было непросто. Требовались коммуникационные процессоры, компьютеры и специфический софт. В одной из организаций всё это имели и знали что к чему, но информацией делились неохотно. Организация была закрытой. Во второй, неожиданно оказалось, работал институтский приятель Троицкого. Костик был барабанщиком. Встреча была радостной. Они поговорили о былом, о насущном, и прежде всего о музыке.

Постепенно Троицкий собрал нужную информацию. Оставалось самое трудное— найти деньги для покупки оборудования. Руководство вычислительного центра в финансировании категорически отказало. Жопа уже горела вовсю, и он посетовал Пенсионеру. Тот всегда смотрел на директора немного свысока и пообещал найти деньги и без него. После разговора он сложил газету «Правда» в карман своего кожаного пиджака и отправился к кому-то из бывших коллег – то ли к министру, то ли к председателю какого-то комитета. За годы службы на передних рубежах Родины за границей у него образовалось много связей. Через неделю деньги были. В отделе установилось приподнятое настроение. Для жителей деревни, всегда освещаемой лучинами, забрезжила перспектива получить электрический свет. Все чувствовали себя единой командой. В гадюшнике никогда не бывало так тихо.

Официальные поставки коммуникационного железа в СССР находились под строгим контролем западных спецслужб и надзорных органов. Полученное оборудование было левым. Наладку и установку выполнял татуированный гопник из Англии. На его руке не хватало двух пальцев. Парень работал быстро, хорошо и отчаянно. Всё время бегал в буфет поправляться пивом и концу работы был без меры весел.

Итак, всё закончилось успешно. У Троицкого в распоряжении – персоналка, мини- компьютер, модемы и заветный коммуникационный процессор. Мигая лампочками, громоздкий ящик трудится со страшной силой. Собирает- разбирает пакеты информации, вытаскивает и запикивает их в телефонные каналы. В те времена они очень медленные. Грустными тоненькими струйками информация наконец течёт из-за рубежа. В ту пору это самое продвинутое решение. Они стали третьей организацией в СССР, где в 80-е появился протоплазменный интернет.

После этого Троицкий написал ещё какую-то программу. Она восстанавливала содержимое диска, когда там рушились данные из-за неисправного подшипника дисководов.

Он почувствовал усталость. Каждую ночь ему снился один и тот же сон. Абсолютно чёрные кипарисы – вдоль залитой солнцем дорожки, ведущей к двери в ярко-белой стене. Это было странным. Конец октября не навевал ничего подобного. На улице чаще всего было пасмурно. По мостовой хлестал холодный дождь, пытаюсь смыть опавшие желтые листья.

К нему приехал приятель – солнечный бездельник Владислав из академии наук. Он вяло занимался вопросами телекоммуникации и частенько заскакивал в ЦМТ выпить кофе и поболтать. Они шли мимо стола секретаря. Её стол стоял около выхода из вычислительного центра. Не глядя в его сторону, она протянула ему трубку. И сказала почтительно, будто почувствовав что-то:

– Вас!

Она была зрелой женщиной и не баловала вниманием неустроенных мужчин. Он немного удивился, потому что они были на ты. Троицкий взял трубку. На том конце был Сергей Махнаев.

– Здорово, тут у нас вот какая история. Наш вычислительный центр назначили главным отраслевым, а Петьку сделали директором. Он ищет главного инженера. Ты бы не хотел подъехать поговорить?

– Это как? Там же у вас человек двести, как с ними управиться?

– Не двести, а двести пятьдесят, – поправил его Сергей; – Короче, подъезжай.

Троицкий вернул трубку секретарю. Она взяла её так, как будто он вручил ей букет цветов. Владислав зачем-то толкнул Троицкого в бок и кивнул в сторону профсоюзного стенда возле двери. Какая-то дама вешала объявление. Владислав спросил

– Это не тебе?

Да, это было для него. Путевка в Пицунду. Через два дня Троицкий ехал в отпуск. В его жизни что-то начало меняться. За день до этого Петька сообщил ему, что он принят Главным инженером. Ему тридцать один год.

В первый же рабочий день на стол Троицкого ложится контракт. Он снова и снова листает страницы и никак не может понять: на что же должны уйти миллионы долларов. Он напрягается и методом дихотомического деления отбрасывает ненужные части до тех пор, пока в его руках не остается необходимый листок. Ему кажется, что он видит болгарские названия. Цифры 8086 и реже 80 286 подсказывают ему: скорее всего это и есть компы. В непостижимых количествах и по непостижимым ценам. Он мчится к Петьке с одним-единственным, но очень большим вопросом. ШЗНХ? Петька вздыхает и произносит: Да ХЗ. Ему почему-то кажется, что Петька смотрит на него как на героя ленты «Пес Барбос и необыкновенный кросс» с динамитной шашкой в зубах.

– Ты вот чё. Сам пиши, чё покупать. Деньги на закупку поступят не скоро. Время есть.

– А цены-то?

– Ну да, цены – типичное не то, ну ты торгуйся, – без энтузиазма предлагает Петька.

Быть главным инженером ему показалось интересным. Крыша может ехать в любую сторону, потому что выдали мигалку. Даже если её начинает конкретно сносить.

Троицкий чемоданами возит проспекты с зарубежных выставок. Стол завален последними номерами компьютерных журналов. Неожиданно для себя он пишет про всё это. Новейшие информационные технологии – компьютеры, локальные сети, сетевой софт, базы данных. Материал получается объёмным: страниц на двести. Ему предлагают издать книгу заметным тиражом и получить какой-то гонорар. Но Троицкого это не интересует. За консультации он получает и так. К тому же старый приятель, руководящий совместным предприятием зовёт участвовать в установке локальной компьютерной сети в крупной организации на Тверской улице.

Вычислительная техника в надежных руках Андрея Казачкова. Еще один Неуловимый – Яшка-цыган— отпустил бороду и командует электронщиками. Все самые опасные трюки с починкой мейнфрейма его парни выполняют сами. Денег на починку оборудования – не особо. Но инженер Потапов знает, в какое место шкафа процессора треснуть ногой. На вопрос, почему ногой? – ответ простой: «Потому что неохота вынимать руки из карманов». По чему треснуть? «Тоже есть объяснение: «Места надо знать». Классные электронщики – в природе редкость, но они тут есть.

Начштаба системных программистов дружит с Сергеем Махнаевым со времён Универа. Он из числа отставных друзей Петьки. Для Петьки он слишком сложен, поэтому загрузка всех последующих версий кадровых обновлений вычислительного центра никогда не добавляет ему новых возможностей. Перед тем как навсегда уехать за океан, он хорошо делает свою работу.

Итак, реюнион Неуловимых в разгаре. Вычислительный центр крупной отрасли – место людное. Брезжит рассвет девяностых. Яшка-Цыган однажды сообщает:

– Тут какой-то кооператор Ходорковский обращается: хочет купить персоналки.

Они едут на встречу с ним. Во дворе старого дома на площади Маяковского стоит владелец кооператива и держит в руках кейс.

– Здесь 200 тысяч рублей налом, если вы достаете мне 1000 компов по 2000 долларов.

Троицкий спешит к товарищу из совместного предприятия, и через час предложение готово. Цена предложения получается сильно дешевле. Почти уверенный в успехе, он мчится назад, но кооператор вежливо сообщает:

– Вы опоздали, уже всё купил.

Тогда работают быстро, хорошо и отчаянно. Через некоторое время Троицкий общается с этим кооперативом снова. Это уже банк. Целое здание на Павелецкой. Он разговаривает по телефону с руководителем общественных связей Невзлиным. Какое-то отраслевое предприятие из Казахстана просит помочь с приобретением вычислительной техники за клиринговую валюту неходовой категории. Её у предприятия много, но купить за неё практически ничего невозможно. Банкиры обещают помочь. В то время все хватаются за любую возможность заработать. Опять ничего не получается. Это странное время. В воздухе витают идеи фантастических сделок с невероятными условиями. Все заказывается самолетами, составами, пароходами с обязательными боковиками – нал им, нам, а вам чё попросите. Телефонная сеть перегружена бесконечными разговорами. В бизнесе участвуют все, зарабатывают единицы.

На вычислительном центре постоянно мелькают самые разные персонажи. Какие-то скромные молодые люди, представляющие «Пробизнесбанк». Ещё какие-то другие, в будущем очень известные лица. Появляются даже его приятели – Швед и Лёха из числа вояк – лауреаты премии Ленинского комсомола. Все они добьются того или иного, большого или очень большого успеха в делах, чтобы в конце концов потерять – если не всё, то многое. Все эти люди стремительно поднимаются в делах. Но это подъём на скоростном лифте в ад. Судьба многих из них двинется по традиционному русскому маршруту: от тюрьмы до сумы. Сломано будет всё, что было построено ими в те годы.

Перед тем как погрузиться в сон, в полудрёме, он часто слышал странный голос, который повторял одну и ту же фразу: «Очередной приход застоя надо встретить обеспеченным человеком». Много лет спустя он пытался понять, кто предупреждал его тогда. Но безуспешно.

Итак, спецификация к контракту готова, количество болгарских изделий уменьшено. Без них не обойтись: поставщики из Болгарии. В сделке фигурирует что-то ещё. Более современное оборудование, локальные сети, софт. Обучение за рубежом. Самое главное— он добивается, что цены перестают быть чудовищными и приобретают разумные очертания. Троицкий ещё ничего не знает о распилах и даже не догадывается, что в этой истории с самого начала ему отводится роль незадачливого стрелочника. Он просто делает свою работу и вместо частного тупика, вопреки чьим-то планам, вагоны с мочевиной отправляются назад на магистральный путь развития народного хозяйства. Троицкий в шоке, когда Петька сообщает, что болгарские братушки накатали письмо министру о том, что он срывает выполнение контракта. Они спе-

шат к Валентину Ивановичу Чапаеву. Сидор Лютый давно разжаловал его из замов. Валентин Иванович— видный партиец. В праведном гневе он хватает обломок своей шашки и бросается в бой. Партийцы отстаивают Неуловимых.

Сидор Лютый в гневе. Он назначает Петьке ещё одного заместителя. Атаман Бурнаш откликается на имя Виктор Федорович. Он должен приструнить распоясавшихся Неуловимых. В компьютерных делах он ничего не понимает, но идеально владеет интригами. В первый же день он пытается схватить за бороду Яшку Цыгана и построить начштаба системных программистов. Казачков ухмыляется, а начштаба сверлит Бурнаша холодным взглядом, пока тот бесвязно выкрикивает:

— Попей, щусёнок, кваску! Твой папашка наших, казачков, много порубал...

Бурнаш пока не догадывается, что полез не в своё дело. Зелёная молодежь, как он её называет, очень скоро расстраивает его до смерти. Инфаркта он не перенёс.

На вычислительный центр начало поступать оборудование по контракту. Теперь было чего делить. Руки Петьки снова гребли, а локти расталкивали. Товарищей по работе он быстро перевёл в разряд бывших. Разбираться с заместителями он тем более не собирался.

Болгарские компьютеры – это худшее из болгарской товарной номенклатуры, поступавшей в СССР. Болгарские сигареты, брынза, кислое вино и прочий ужас по сравнению с компами – заоблачный эксклюзив. Простое, как грабли, болгарское железо постоянно выходит из строя. Лома накапливается предостаточно, его нужно везти в ремонт на родину на берег вечнозелёного болгарского перца. Троицкого направляют в командировку. В последний момент он зачем-то решает взять с собой девчонку, заведующую складом. Петька понимающе ухмыляется.

Через пару недель они возвращаются. Петька зловещим голосом сообщает:

— У тебя на складе хищения компьютеров. Работает следствие. Тебе отвечать. Может, и посадят, – с надеждой в голосе добавляет он после паузы, которую берёт для значительности.

— Ага, сейчас. Я и все мои материально ответственные в момент хищения были за рубежом.

Пазл с кладовщицей в его голове складывается. Бля, что бы было, если бы не догадался её взять с собой...

Девяностые шепчут. Директора заводов, которые робко выпрашивали технику, через некоторое время сами станут олигархами. Это потом некоторым из них светят бега или небо в клеточку. А пока они сами реконструируют свои производства. Внедряемые системы управления технологическими процессами стоят десятки миллионов долларов. Две сотни программистов вычислительного центра готовы к любым подвигам в этой области. Предприятия отрасли готовы поручать им эту работу. Они лучшие. Они чувствуют себя викингами. Они стоят лицом к полю боя. Одновременно обнаженными мечами хлопают плашмя о свои щиты. Боевой клич готов вырваться одновременно из всех глоток. Впереди— открытия новых земель и переселения, торговые сделки и великие сражения. Готовы все.

Все, кроме Петьки. Сидор Лютый переводит на счёт вычислительного центра сто тысяч долларов и немного никому не нужной клиринговой валюты. Купить на неё ничего невозможно. Но голова Петьки отключается. Руки помимо его воли начинают двигаться как у снегоуборочной машины. Ему срочно хочется потратить полученную валюту. Вклиниться в систему клиринговых расчетов то ли с Монголией, то ли с Мозамбиком практически невозможно, но Петьку это не смущает. Сложив руки на затылке и мечтательно откинувшись на спинку кресла, он распоряжается:

— Надо купить машины, видаки японские, виски ведро и батников навалом.

Каким-то чудом Троицкий находит АО «Желдор-Экспроприация», которое соглашается за безналичные тугрики поставить полтора десятка изношенных газобаллонных «Волг» из таксопарка в далекой ГДР. С бытовой электроникой из Японии тяжелее, но в конце концов и она приобретает по клирингу. Виски ведро и батников навалом ни за какие тугрики купить не удаётся. Петька хмурится, но проявляет великодушие и прощает ему оплошность.

Теперь на очереди сотка тысяч баксов. Петька замышляет АО «Спасательный круг», куда потихонечку отправляются ценные активы. Туда же крестным ходом направляется весь приход прикладных программистов во главе со святым отцом Шульгой – его настоятелем— новоявленное Акционерное общество он истово осеняет крестными знаменами.

В один из дней Троицкий получает предписание сдать мигалку и покинуть тонущий корабль, который вычислительный центр начинает напоминать всё больше и больше. Он почему-то испытывает некоторое облегчение. Страница этой истории закрывается для него навсегда, но ещё некоторое время он слышит, как грызутся за купленные им газобаллонные автомобили то ли собаки, то ли люди.

Троицкий отправляется на отдых с молодой весёлой женой, которая пока улыбается ему чуть чаще, чем другим мужчинам. Ей хорошо. Она ведёт себя как молодой щенок-девочка на передержке, которая изо всех сил старается вырасти поскорее и стать порядочной сукой. Её отец, – светило военной медицины— устраивает их в военный санаторий в Крыму. Генеральский двухкомнатный номер с московским телефоном. Троицкий воспользуется им только однажды, чтобы узнать о поступлении гонорара от какого-то СП. С непривычки ему кажется, что этих денег должно хватить на всю оставшуюся жизнь. Но к зиме 1991 года эти рубли обесцениваются. Их едва хватит на покупку каких-нибудь трёх-четырёх офисных телефонов «Панасоник» с автоответчиком.

Троицкий решает попробовать силы на Российской товарно-сырьевой бирже. В первый же день он встречает сокурсника – Леню Либермана, единственного на всё учебное заведение еврея. Тот активно торгует цветными металлами и на вопросы: как тут надо работать? – охотно поясняет, что ему надо идти лесом, а там как фишки лягут.

На следующий день он приходит на биржу задолго до начала торговой сессии. В зале пусто. Троицкий бредёт вдоль бесконечного ряда телефонных аппаратов. Взгляд падает на забытую кем-то потрёпанную книжицу. На обложке написано: «Предприятия материально-технического снабжения СССР. Справочник. Часть 2». Он чувствует, что его поезд потихоньку трогается с места и начинает набирать скорость.

The woman in Red

Жирафский носил форму морского офицера-подводника, но дальше глубин московского метро никогда не опускался. Вообще-то он был племянником известного киноактера, которого все знали по фильму «Свой среди чужих». Дядя, не выдержав груза популярности, недавно ушёл из жизни, оставив племяннику в наследство пару неоконченных картин и свои вредные привязанности к регулярным возлияниям и шумным компаниям. Впрочем, и это скудное наследство освоить он не сумел. Холостяцкая жизнь молодого военного была на редкость однообразна. Унылые её фрикции – с утра на службу, а вечером обратно – напоминали бесконечный половой акт, и Жирафский последнее время плохо понимал, кто кого имеет – жизнь его или он её. При этом всё вокруг стремительно менялось. Калининский проспект, где он жил всегда, назывался теперь Новый Арбат. Везде стояли ларьки, на витринах которых было много интересного. Импортные напитки, сигареты. Ценники, однако, источали непонятную тревогу, и, проходя вдоль ярко освещенных бесконечных рядов, он автоматически переходил на твёрдый строевой шаг. Он на службе, спешит и ваще не при делах. Одинокое плавание грозило оказаться бесконечным, но тесный замкнутый батискаф его жизни внезапно получил пробоину, в которую хлынула яркая забортная жизнь. В его доме раздался телефонный звонок. Товарищ из далёкой юности орал в трубку:

- Слышь, Жирафский, ща мы приедем с шефом, те работа нужна?
- Да я ж это на службе...
- Да это ничё, хорош долг Родине отдавать!
- Ну это, я не знаю, ну ладно, – растерялся Жирафский.

Через полчаса посреди его квартиры стоял друг детства и его шеф. Крепкий молодой мужчина, не спросив разрешения, курил сигару. Фиолетовая рубашка в сливах, наверное, стоила полугодовой зарплаты офицера. Тонкие очки без оправы подчёркивали холодный изучающий взгляд. Жирафский поёжился. Он что-то изредка читал в периодических изданиях про таких субъектов. Встреча не сулила ничего хорошего. Однако разговор о работе получился интеллигентным. В конце прозвучали суммы, которые вполне соответствовали ненавистным ценникам на витринах ларьков. В мозгу офицера зазвенел ревун – срочное всплытие. «Когда и куда ехать?» – выдавил из себя Жирафский.

- В Кострому, – последовал ответ.

На строительство военного городка для вертолетчиков из группы советских войск, выводимых из Германии, корейская строительная компания заказала мощные дизель-генераторы автономного питания у конторы шефа, где как раз и трудился друг детства Жирафского. Корейцы, получив бабки от немецких заказчиков, очень спешили начать строительство и готовы были заплатить немеряно. Разруха делала задачу невозможной, однако русские коммерсы не подвели. Один генератор нашёлся в Славянске-на-Кубани, другой ещё где-то. Обе установки были законсервированы в госрезерве на всякий стихийный случай. Жирафский получил задание выехать на место, включить машины и выпустить на волю мегаватты электроэнергии.

Через день Жирафский был на месте. Плеснув соляры в топливный бак, он повернул ключ зажигания. Дизель загрохотал, но через мгновение остановился со страшным скрежетом. «Хм, этот кажись не пашет. Сломанный какой-то. Ща второй попробую». Сердце молодого военного билось ровно. Амплитуда мозговых импульсов офицера не превышала обычного раз-мера, когда с адским скрежетом перестала жить вторая установка.

Жирафский поплёлся на почту сообщать по телефону о том, что происходит какая-то лажа. Через полторы минуты он услышал в трубке холодный голос шефа, а ещё через тридцать секунд в его голове что-то взорвалось. Он начал догадываться, что ему – хана. После пары наводящих вопросов он понял, что запускал двигатели, в которых не было ни масла, ни охлаждающей жидкости. Блин, зачем денег за работу было обещано столько? Он совершенно не понимал, почему в эту хрень нужно было заливать что-то ещё... Под ногами подводника разверзлась пропасть, в которую он начал падать со страшной скоростью.

Шеф подумал, что ослышался. Что за херь? Не может быть! На следующий день он и его сотрудник были в Костроме, и всё действительно было плохо. Тем не менее через десять минут он уже знал что делать. К умершему дизелю прилагалась целая книга с цифрами, таблицами и указаниями. Но больше всего его заинтересовала надпись на обложке: изготовлено в г. Барнаул и какое-то название типа «тепловозный завод».

– Где здесь тепловозное депо? – через мгновение он спрашивал у местного таксиста. А ещё через полчаса он рассказывал о своих проблемах мастеру в депо.

– Вам запустить, чтобы сдать? Или капремонт?

– Да, запустить бы.

– А, ну это можно, будет стоить сто долларов, за неделю наладим.

– А капремонт сколько?

– Тысяча долларов – минимум, и недели две займёт.

– Ладно, давай первое, на капремонт времени нет.

Ситуация начала как-то исправляться. Можно было отправляться искать гостиницу. Был поздний вечер, когда на городской площади возле моста нашлось вполне себе советского вида здание, которое сулило перспективы ночлега. Номерной фонд дома колхозника с помпезным названием «Казино» на фронтоне оказался на редкость аскетичным. Стены помещений были покрыты серой масляной краской и хранили стойкий дух былых загулов областных командировочных на казенные деньги. Во всём здании не было ни души. Стояла мёртвая тишина.

Переживания последних дней не отпускали. Стресс надо было снимать. Решили идти традиционным путём. В те времена много пили, и они не были исключением.

В гостиничном ресторане не было других посетителей. Жирафского не вспоминали. Еда была никчёмной. Меню тяготило, бухло – тоже, и московские гости двинулись в игровой зал. Шеф никогда не бывал в казино. Рулетка крутилась и крутилась, шарик с грохотом скакал как угорелый и никак не хотел занять требуемое место в карусели цифр. Выигрыш все время ускользал. Рассыпанные по столу фишки одну за другой забирал крупье. От выпитого голова кружилась всё больше и больше. Оркестр в пустом душном зале что-то тупо играл. Программа этого провинциального вечера продолжалась только для него одного. Где-то в середине ночи музыканты начали исполнять Woman in Red Криса де Бурга. Песня заканчивалась, и каждый раз шеф заносил деньги в оркестр, чтобы они пели её снова. Пять или шесть раз. Почему это делал, объяснить он не мог.

Потом были следующие дни. Они работали, а вечером всё повторялось снова. Ресторан, казино, Woman in Red. К концу недели дизель-генераторы были готовы к запуску. Можно было ехать домой. Они выписались из гостиницы. Счёт за проживание и вся остальная ночная жизнь с казино и Woman in Red за неделю обошлись в 600 рублей. Это были дни, наполненные непонятными парадоксами 93 года.

Вернувшись в Москву, шеф без сил ввалился в свою квартиру. Безумно хотелось спать. Зачем-то включил телевизор. Дневные новости сообщали – в Костроме начато строительство военного городка. На экране, на фоне голубого неба мощно чернели два столба дыма. Это

дымили его дизель-генераторы – они всё-таки давали электроэнергию. Энергично двигались стрелы башенных кранов. Впрочем, через три дня генераторы снова встали. Предстояли разборки с корейцами и долгий капремонт. Диктор тем временем говорил ещё что-то: о важном историческом моменте, о возвращении на родину служащих ГСВГ. Веки глаз начали слипаться. Отдельные слова ещё доносились до него, когда он почувствовал, что совсем проваливается куда-то. Сон обрушился на него как тяжёлая берлинская стена.

Чего хочет женщина, того хочет Бог

Иван никогда не учится на чужих ошибках, потому что ему хватает своих. Иван – мастер прохождения штрафных кругов. В физтехе Ивана учили решать любую попавшую к нему задачу. Кооператив по продаже компьютеров. Бухгалтер секретного завода по производству спиртосодержащих жидкостей. Всё это заканчивалось в лучшем случае ничем, а в худшем – каким-нибудь неприятным собеседованием в доме с китайским рестораником напротив концертного зала на площади поэта.

Блуждающая улыбка и медленная речь выпускника физтеха в ходе его восьмичасового экспромта на тему бухучета достали бы кого угодно. Секретный сотрудник не становится исключением. Еле сдерживаясь, он предлагает секретному коммерсанту немедленно исчезнуть и больше никогда не появляться в окуляре его перископа.

Иван продолжает утверждаться на жизненном пути. Он пробует заняться чем-то более высоким. Инвестировать последнее в строительный бизнес за рубежом. Торговать в парке пивом.

Внезапно в деловой жизни Ивана наступает полный штиль. Даже океан устаёт бросать на скалы волны и расстилается для безмятежного отдыха зеркальной гладью до горизонта. Иван отправляется в творческий отпуск – поработать у друзей.

Наденька работала секретарём в центре города в посольстве крупной капиталистической страны. Замуж она выходила за выпускника физтеха. Будущего академика. Годы шли, но будущее никак не наступало. Наука уступала место чему-то другому. Чему – Наденька никак не понимала. Она начинала волноваться. Поначалу осторожно, потом уже настойчиво она задавала извечный женский вопрос:

– Ну когда? когда всё будет?

Она волновалась всё чаще, пока не стала для Ивана его новым штрафным кругом.

Иван хотел другую женщину.

Ночью между спицами трёхлучевой звезды на капоте её автомобиля он закрепил розу. На следующий день цветок превратился в клочок бумаги с небрежным росчерком: «У меня есть муж».

«Поздно, Дубровский. Я обручена» – с лёгкой грустью подумал Иван. Вскоре на его лице опять блуждала улыбка.

Как и полагалось, у физика была гитара и комплект альпинистского снаряжения.

К следующей женщине он спустился с крыши и постучал в её окно. Его впустили. Ему показалось, что она согласится стать частью его сказки. Он даже зачем-то рассказал об этом Наденьке.

Новая избранница Ивана вскоре оказалась на кухне его дома. Её туда тайком пригласила Наденька:

– Вот, пожалуйста. Полюбуйтесь, что вас ждёт.

После этого попасть в дом избранницы Иван уже не смог ни через окно, ни через дверь.

За семью Ивана боролись все. Дома, на работе. Иван был благодарен всем за поддержку, но продолжал идти своим путём. Он даже рассказывал Наденьке о том, что на работе его окружают хорошие люди.

Пока Иван ищет себя, Наденька хочет сохранить семью. Она посещает монастырь на далёком русском Севере. Она исповедуется настоятелю. Рассказывает про Ивана, про себя, про людей, которые помогают ей в борьбе за семью, которых она не знает даже как благода-

рять. Настоятель сообщает ей, что пути Господни неисповедимы, прощайте и прощены будете, а человеку, который больше всех помогает, просит передать икону.

Троицкий держит в руках маленькую иконку. Неизвестные имена. Неразборчивые надписи старославянским языком. Непонятный смысл. Иван вручил ему: «Наденька благодарит». Наденька, конечно, волшебная на всю голову. Благодарит так странно, но мило. Ладно. Пусть будет.

Он в своем доме. За окном вечер. В полутьме очертания старых берёз. Окна открыты. Ветер колышет занавески спальни. Уютный маленький свет для чтения перед сном. Жена жалуетса, небольшое недомогание. Болит, но, наверное, завтра пройдёт. Они выключают свет и засыпают. Но ненадолго. Ночью её боль становится нестерпимой. За городом скорую помощь можно ждать всю жизнь. Они мчатся в небольшой городок поблизости. В конце концов всё оканчивается благополучно. В областной больнице ночью безлюдно. Но внезапно отовсюду начинают сыпаться врачи, медсестры. Анализы, УЗИ. Уколы, лекарства. Боль стихает. Они едут домой. Ночь на излете. В четвёртом часу утра они возвращаются в посёлок. Ещё темно, но издалека, перед въездом во двор дома, он видит белый столб. Упругий водяной столб изо всех сил рвётся вверх из-под земли, стараясь дотянуться до неба, и заканчивается где-то в вышине – облаком водяной пыли широко осыпающейся дождём на землю вокруг.

Только через час на его телефонные звонки начинают отвечать люди. К половине пятого утра он соединяется с начальником местной аварийной службы.

– Повезло тебе, парень. Позвонил бы ты на полчаса позже, я бы на выходные уехал на рыбалку.

Бессонная ночь подходит к концу. Он ненадолго ложится поспать. Утром выходит на крыльцо, но сразу идти не может: в тридцати сантиметрах от стен дома стоит вода. За воротами слышится работа строительной техники. Он надевает высокие резиновые сапоги и бредёт к месту аварии. К вечеру жизнь возвращается в свое нормальное русло. Как будто ничего не было.

Некоторое время спустя на глаза ему попала иконка, подаренная Наденькой накануне той бессонной ночи. Он зачем-то взял её и стал вчитываться в надписи на обратной стороне. К его удивлению, они имели понятный смысл:

Преподобные Зосима, Савватий и Герман Соловецкие. Молятся о помощи на море от бури и потопления, о помощи на воде плавающим.

Знаки

Дорога на работу ничем не отличалась от всех предыдущих. Полтора, а может два часа – по МКАД. И то же самое узкое ущелье заброшенных фабричных корпусов в конце маршрута. Парковаться пришлось как всегда – вплотную к стене. Дороги прошлой эпохи не отличались шириной. А на заброшенном военном заводе тем более. Разъезжаться автомобилям не предусматривалось. Всё двигалось только в одну сторону. Только вперёд, всегда только вперёд. Общество, автомобили, люди. Иного не было дано. Теперь всё изменилось. Места не было, и каждый день надо было парковаться.

Он приоткрыл дверь и начал протискиваться в узкую щель. Нога нащупала бордюр. Очувтившись снаружи, с облегчением вздохнул – наконец добрался. Чтобы проскользнуть дальше вдоль стены, надо было захлопнуть дверь. Легонько толкнул её на место, но вместо негромкого породистого хлопка раздался громкий противный треск. Пластиковый молдинг в нижней части двери задел его высокий трекинговый ботинок, оторвался и повис в воздухе. ШЗНХ. Такого ещё никогда не случалось, чтобы что-то само собой отделялось от его огромного и мощного автомобиля. Он в сердцах двинул кончиком ботинка по пластиковой детали. Не помогло, она так и остался виновато висеть в воздухе. Поставить молдинг на место было нельзя. Клипсы были одноразовыми. Ну вот... В метро девушке пуговицу на пальто оторвут, она весь день рыдает. Придётся тащиться в сервис. Вечером по пути домой ему всё сделали. Молдинг ставил лично начальник смены. Минута, другая – и его автомобиль снова обрёл свой мрачный законченный облик. Он двинулся домой и вскоре забыл о досадном происшествии.

Следующий день был субботним. Но дела звали в город. Он отъехал от дома метров на триста и затормозил у помойки, чтобы выкинуть мешок с мусором. Всё было как обычно в посёлке: сонные дома, лёгкий утренний туман, морозящий дождик, подмосковная ранняя осень. Всё было на месте. За исключением молдинга в его машине. В опустевшей нише в двери приветливо торчали полтора десятка новеньких жёлтых креплений. Не может быть! Где его теперь искать? Тащиться покупать новый совсем не хотелось. Он догадался вернуться домой. Молдинг валялся у ворот на самом видном месте. У него отлегло. Ну хоть с этим повезло! Надо ехать в сервис, пусть переделывают! – нахмурился он. Мятежная деталь быстро исчезла в бездонных недрах багажного отделения. Весь день ездил по делам. В салоне было уютно, культурно играло радио. Еле слышно пахивало дизелем. Километры десятками исчезали под колёсами. Дела потихоньку решались. Когда он ещё раз добрался до сервиса, досады не было и в помине. Молдинг был снова водворен на место. Жизнь потекла своим чередом. Он ездил ещё пару дней. Всё было так же, только ему казалось, что в салоне и вокруг машины теперь сильнее пахло дизелем. Ему думалось, что это работает отопитель. С одной стороны, не так холодно. А с другой стороны, эта «Вебасто» – вещь в себе, и если работает – то и слава богу. Зимой, через месяц-другой, – без неё никуда. Пусть себе тренируется.

Когда он возвращался на стоянку ночью, лёгкий туман выхлопа кружился в столбах света от фар, еле заметно поднимался из-под решётки радиатора. Он по-прежнему думал, что это работает дополнительный отопитель. Несколько непривычно. Но лучше пусть так, чем никак. Вещь капризная, кто её разберет. Он ездил ещё пару дней. Запах топлива был заметным, но ещё не настолько, чтобы вызывать беспокойство. Потом ему стало не до этого. Что-то пошло не так. Он оказался в крохотной сельской больнице. Нет, ничего страшного – просто поправить слегка пошатнувшееся. Ходил он в больничку по утрам.

Капельниц он никогда раньше не видел. И теперь с любопытством разглядывал шест, на вершине которого была закреплена огромная банка. Пузырьки воздуха внутри уплывали к потолку, а капли снадобья медленно и нехотя сползали вниз, отмеряя мгновения. Салатовые стены в ярком неоновом свете сочлились пессимизмом. Он пытался испугать себя: а вдруг

жидкость закончится и в вену ринется воздух? Но тревога засыпала, не проснувшись. Ничего такого не происходило. То медсестра придёт вовремя, то запорный клапан сработает, а то и сама собой жидкость прекратит свой неотвратимый ход, подчинившись встречному давлению крови. Развлечений не было никаких. На соседних кроватях, неподвижные как брёвна, лежали мужики. Молчали, слушали радио. Он думал, что шугаются они его, но однажды мужик в дальнем углу всхрапнул вдруг и, словно пришедши в себя, громко обратился к соседу:

– Слышь, а это... Ты не замечал, что дорогая соляра, она расходится моментом. Мотор, правда, работает ровно так. Но зато денех на её не напасёшси. Я это чё, беру соляру подешевше, ну и масла туда грамм писят на бак. А то чё без масла форсунки, они знаш как горять, не наменяшси. Форсунки, они блеать, знаиш какой уход требуют! Знаш, какие они дорогие...

– Да знаю, знаю... – спросонья прошевелил губами сосед.

Говоривший уже не слышал ответа. Он ровно и сонно сопел дальше.

Раннее утро заглядывало в окна лечебницы, а он уже спешил жить дальше. Через час он снова летел куда-то. Целый день в разъездах прошёл незаметно. Он загнал машину во двор. Сизое облако клубилось над капотом. Он откинул его. Дым от сгоревшей соляры поднимался с выпускного коллектора. Запах выхлопа смешивался с запахом сырой солярки, и к этому всему примешивался густой запах стрёма. Он отснял видео, чтобы послать на сервис и узнать, чем закончится этот фильм ужасов. На сервисе ответили быстро. Фильмов не надо. Держи наготове огнетушитель и езжай сюда, пока цел. Где-то по дороге он остановился, чтобы выбрать огнетушитель. Он взял самый большой. Массивный красный бак показался ему маленькой капелькой, затерянной во вселенной на фоне миллионов пылающих солнц, мимо которых ему предстояло проплыть. Дорога казалась длиннее жизни. В машине дремал огнедышащий зверь. Однако ровно через час каким-то чудом он был на сервисе. Вскрытие было мгновенным и точным: из первой форсунки, под давлением, тысячи капель взлетали в воздух и опускались на выпускной коллектор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.